

Мамара
Муканова-Мендошева

АЛТАЙ ЗОЛОТОСПИННЫЙ С ЗАПАХОМ МОЖЖЕВЕЛЬНИКА

*Посвящается: моей бабушке Биле,
тете Анне, землякам-алтайцам...*

Воспоминание – самая сильная способность души нашей, и им очаровано все, что подвластно ему.

А. С. Пушкин

Память имеет два фундаментальных свойства: сохраняет и стирает опыт прожитой жизни. Хранит наиболее примечательные события, те, что согрели сердце, волновали душу, помогали росту, формировали личность – словом, все то, что послужило человеку опорой на его жизненном пути.

Все тяжелое, трудное и мрачное стирается или хотя бы частично притушевывается, и в этом величайшая сила памяти.

Однако по разным причинам забвению, бывает, предается много дорогого и достойного. В своих воспоминаниях мне хотелось рассказать о людях моего детства, истинных носителях глубинного знания, основу которого составляет доверительное отношение к окружающему миру.

БАБУШКИНО НАПУТСТВИЕ

Лето 1956 года для меня было знаменательным: семейный совет решил, что я уже взрослая и смогу пасти овец. Мне исполнилось одиннадцать с половиной лет, и я очень гордилась доверием старших в доме.

– Ключюк, слышишь меня? К первому сентября, к школьному звонку, Торко-Чачак должна быть здесь, в поселке! – строго напомнила моя наана. (Бабушка по-алтайски дьяан эне, и я по укоренившейся детской привычке называю ее ласково – наана.)

Мой дядя – таай послушно кивнул. (У алтайцев все родственники по материнской линии, братья и сестры мамы, а также бабушка и дедушка по материнской линии называются «таай», «таай эдье», «таай эне – тайна», «таай ада – таада».)

– Помни, сынок, если девочка пропустит начало занятий, потом ей придется трудно, – сказала наана и легонько подтолкнула меня к таай.

Наше прощание с бабушкой проходило во дворе ее дома.

Хозяйство у нааны было небольшое: изба, в которой помещались две кровати – ее и моя, этажерка с книгами, обеденный стол с двумя табуретками и скамейкой, крошечный шкаф для посуды, печка-каamelек и умывальник.

Рядом находился другой дом с двумя комнатами и сенками. В нем проживали тетя Анна – моя эдье, ее муж Айдын – дьесте и их годовалая дочь по имени Тана. Она была хорошая плакса, поэтому семейство в последнее время засыпало лишь под утро. С ними еще проживала слепая бабушка Шагай, мама Айдын-дьесте. Она, чтобы выспаться, на летнее время перекочевала в корьевую юрту.

Кроме двух изб и юрты на дворе еще имелись коровник, кошара для овец и крытый навес для дров. Все это надежно обрамлял островерхий деревянный штакетник.

Дядя сидел верхом на смирном рыжем коне и морщился от боли. У него болел коренной зуб – зуб мудрости. От него ему не было покоя ни днем, ни ночью. Зуб надо было срочно удалять. Процедуру эту делали в районном центре, в тридцати километрах от нашего селения и почти так же далеко от чабанской стоянки дяди. Он приехал за мной, чтобы я подменила его на время. А пока, приложив к больному месту щепотку махорки, он перевязал щеку белым платком. На голове у дяди красовалась его бессменная фетровая шляпа, защищавшая голову от дождя и солнца, – в сочетании с повязкой она производила комический эффект.

За спиной дяди я скорчила смешную рожицу – изобразила страдающего зубной болью. Однако бабушка и бровью не повела на мое кривлянье, как и на то, что со вчерашнего вечера в предвкушении перемен меня одолевала дурашливость. «Хорошо, что у таай заболел зуб!» – пело и ликовало у меня в груди, ведь не случись этого, все летние каникулы пришлось бы возиться с сестренкой-плаксой. Ох, что угодно, только не это! Кто в детстве нянчился с малышами, тот поймет мою готовность бежать из дома.

Несмотря на боль, дядя тоже был весел – как же, без всяких усилий заполучил бесценного работничка.

– Слушаюсь, капитан! – козырнул он по-флотски. – Обещаю: первого сентября, еще до рассвета, ваша внучка будет стоять здесь, на этом месте.

И, ловким движением протянув мне сильную, загорелую по локоть руку, посадил к себе за спину и тронул поводья. Подо мной была расстелена старая фуфайка. Я уже имела опыт подобного перемещения, поэтому сразу ухватилась за кромку кавалерийского седла.

Напоследок бабушка вручила дяде замшевый мешочек.

– Здесь все, что нужно. Сам знаешь, – сказала она.

Дядя согласно кивнул.

Мы выехали со двора, и я отправилась в мое первое большое путешествие.

РОДНОЕ СЕЛЕНИЕ

Наше селение Талду было, пожалуй, самым маленьким в мире. Так говорили старшие. Примерно на три дюжины дворов имелась школа для начальных классов, магазин, клуб и сельсовет с кумачовым флагом над крышей.

В те годы рядом с домом обязательно стояла деревянная шестигранная или корьевая конусообразная юрта с открытым очагом по центру. Это было удобно с хозяйственной точки зрения. Вся подсобная работа, как мужская, так и женская, выполнялась в юрте: приготовление еды, уход за охотничьим снаряжением, выделка шкур и еще многое другое.

Однако главным в ней был живой огонь. До чего же хорошо и покойно было смотреть на нескончаемый рисунок его жарко-красного пламени, вкушать вкусный запах сизого дыма, слышать легкое потрескивание сухих горящих поленьев и уноситься мечтами в неведомое...

А изба? О, это остов бытия, особое жилье, теплый, надежный кров от трескучих сибирских морозов и всевозможных житейских невзгод...

По сей день перед глазами так и стоит картина: к южному склону горного кряжа Талду Кобы уютно прилепилось человеческое жилье – наше селение – и плывет себе мимо звезд и облаков, беспечно дымя огнями очагов.

ПОХВАЛА ХОЗЯЙКЕ РЕКИ

Поначалу наша дорога пролегла через большую, бурную реку Урсул. Когда мы подъехали ближе, дядя развернул коня боком к реке, головой к истоку и сказал:

– Увидев реку, обязательно посмотри туда, откуда она берет начало, и туда, в какую сторону направляется, проводи взглядом ее течение, а потом скажи: «Баш болзын!»

У этой фразы несколько оттенков значений: «Слава Богу!», «Все, как надо!», «Все хорошо!», «Будь благословен!», но иногда бывает, что она прозвучит с противоположным смыслом: «Какая досада!», «Не может быть!», «Бог с тобой!»

Я охотно сопроводила взглядом всю видимую часть реки со словами «Баш болзын!».

После этого дядя помог мне спешиться. Сама бы не смогла – ноги не доставали до стремян.

– А теперь, – сказал он, – помой себе руки, лицо, испей воды и похвали ее.

Я помыла себе руки, но так, чтобы грязь стекала не в воду, а на берег. Так умывалась моя бабушка: «Там, вниз по течению, живут другие люди. Им тоже хочется пить и умываться чистой водой», – говорила она при этом.

Вода в реке была чистой и прозрачной, так что был виден каждый камушек на дне и каждый живой ее обитатель: мальки и мошки. И все они жили своей, только им ведомой, таинственной жизнью. Хотелось смотреть и смотреть на них, но особенно на течение воды – его рисунок также никогда не повторялся.

Я сложила ладони лодочкой, зачерпнула воды, выпила все до капли и от души похвалила: «Очень вкусная вода!»

Дядя дал коню напиток, после опустился на одно колено, снял шляпу, положил ее рядом, помыл руки (тоже как учила наана), сделал глоток воды и со словами «Баш болзын!» провел влажной рукой от макушки до подбородка.

Реку мы переехали вброд на коне. Местами глубина достигала стремян, и тогда дядя, чтобы не замочить сапоги, поднимал повыше ноги.

Здесь я также получила два важных урока. Первый, что во время брода нельзя смотреть вниз в воду – надо глядеть вдаль, на другой берег. Это чтобы не закружилась голова. И второе – при переправе всегда нужно править выше того

места, куда направляешься – иначе снесет по течению. Как в жизни – жизненный ориентир себе намечать на планку выше.

Еще одно обязательное правило: нельзя ехать вскачь через неглубокую речку – этим выкажешь пренебрежение Хозяйке реки – Духу воды.

ПРИВЕТСТВИЕ СОЛНЦУ

Как только мы выехали на берег, из-за дальних гор со спины веером брызнули лучи солнца. Дядя потянул повод влево, навстречу солнцу, снял шляпу и, склонив голову, с чувством выдохнул:

– Баш болзын, Кюн-Эне! Баш болзын, дьаны Кюн! Здравствуй, Матушка-Солнце! Здравствуй, новый День!

Не поднимая головы, дядя глянул на меня искоса. Я тут же в точности повторила сказанное им приветствие.

– Баш болзын! – завершил ритуал дядя.

– Баш болзын! – с радостной готовностью повторила я за таай, потому что с малых лет любой ребенок нашего селения слышал от старших замечательную сказку о том, как Мать-Солнце и Отец-Месяц помогли людям в их страшной беде.

Когда-то в древности, говорится в этой сказке, на Алтае появилось громадное чудище – людоед Дьелбеген. У него семь голов, семь глоток и по одному глазу на каждом лбу. От него ни малому, ни старому не скрыться, ни силачу, ни герою не спастись.

Как одолеть Дьелбегена, люди не знали. И обратились они к Солнцу за помощью. Светило не заставило себя упрашивать – ринулось на семиглавое чудище, да едва не спалило землю.

Тогда Солнце обратилось к Месяцу: «Иди помоги людям, лед не огонь, от тебя люди как-нибудь схоронятся...»

Месяц дождался, когда станет полным, устремился на землю, настиг свирепого людоеда в тот момент, когда тот лакомился ягодами спелой черемухи, крепко обхватил Дьелбегена вместе с кустом, рванул изо всех сил и унесся в небо...

Детьми мы, юные талдинцы, с замиранием сердца рассматривали запечатленные на луне абрис фигуры Дельбегена, куст черемухи и даже ведерко, в которое чудище набирало ягоды.

Гораздо позже пришло понимание того, как реальные события седой древности – Великая Засуха и Великое Оледенение – получили художественное преломление в сказочном повествовании.

Но и это не все – фантазия народа интерпретировала фазы луны как вечное единоборство двух сил: то Дьелбеген одолевает Луну, и тогда ночное светило уменьшается и убывает, то Месяц-богатырь первенствует, и тогда он становится полноликим. Сам процесс воспринимался как непреложный закон, как непремненное условие существования мира и жизни.

МОЛОДЕЖНАЯ БРИГАДА

Продолжив путь, мы увидели вдали на большой поляне группу людей с вилами и граблями. Двое мужчин были заняты стогованием. Три женщины и столько же подростков собирали в общую кучу сухое сено и складывали его по очереди на три волокуши. Трое малышей приблизительно семи-девяти лет правили лошадей.

ми, к которым были прикреплены крепким арканом волокуши. Еще несколько неслись к ближайшей речке.

Неподалеку строгий ряд косарей едиными взмахами кос расчищал себе путь среди душистого разнотравья. Ряд возглавлял Пёпён, наш сосед. Будучи слепым от рождения, он был одарен множеством доблестных качеств, и в их числе – недюжинной физической силой. В годы войны ему довелось исполнять работу председателя колхоза.

Резкий ритмичный звук срезаемой травы гулким эхом уносился и таял на далеких горных вершинах. «Проплыли в небе звоном журавли...» [1] Стройный ряд косарей мне всегда напоминал стаю журавлей во время сезонных перелетов над нашим селением.

У этого разнокалиберного трудового сообщества имелось вполне конкретное название: полеводческая молодежная бригада. Накинув на спину лошади старую фуфайку, кто-нибудь из взрослых подсаживал малыша на коня, подавал ему повод, и тот, заправски управляя, подвозил волокушу с копной к месту стогования. Для такой работы в первую очередь требовалась выносливость. Восьмилетний малыш сносно справлялся с подобными обязанностями, но терпения хватало лишь на полчаса. Как устанет, его сменял напарник. И каждый из них ежедневно и ежечасно страдал от трех бедствий: палящего солнца, комаров-кровососов и невозможности самостоятельно взобраться на лошадь из-за малого роста. Помню, что недосыпали, естественно, были горячие слезы и грозные окрики взрослых, были даже попытки к бегству домой, но кто бы в те суровые времена позволил самовольство? Такое пресекалось на корню – пара шлепков по мягкому месту и на коня. Конечно, к такому раннему труду вынуждало послевоенное время, ведь из нашего села на фронт ушли 78 мужчин разного возраста, а вернулось всего пятнадцать [2].

Прошлым летом я тоже проходила трудовую школу – подвозила волокуши. Впечатлений было так много, что и не пересказать. Особенно запомнился такой случай. В первый же обеденный перерыв мы, бригадная детвора, стали играть в стрелялки – обрывали головки цветам и с боевым кликом пуляли ими друг в друга.

Старшие тут же вмешались:

– А ну-ка прекратите! Как вам не стыдно! Цветы, как и вы, тоже хотят жить и радоваться лучам солнца! А вы им обрываете головки!

Мы, потупившись, недоуменно смотрели себе под ноги: перед нами простиралось огромное поле безжалостно срезанных косами-литовками цветов.

Но у взрослых на все есть свои доводы:

– Эта скошенная трава вместе с цветами холодной зимой пойдет на корм животным. На сердце радостно, когда в лютый мороз увидишь в сене эти поблекшие бордовые, синие и желтые пучки цветов. Сразу вспоминаешь лето, жару, вот такой, как сегодня, день. На душе делается легко: все хорошо, скоро кончится зима и наступит теплое лето. С надеждой появляется сила пережить зимнюю стужу. А уж какая эта услада для коров и овец, вообразить невозможно! А ну-ка, кто из вас ответит: есть ли смысл в ваших бездумно оборванных цветах?

Мы молчим.

– А в скошенных и убранных, как сейчас, цветах и травах есть смысл?

Снова молчание.

– Да-а, особенно радуешься, когда в конце зимы в сенной трухе увидишь сухие ягодки земляники. Одна такая ягода – все равно что целая охалпка сена... – охотно подхватывает разговор пожилая повариха, и мы, юные растущие души, в самом сердце пораженные новыми для нас образами, мчимся к таежной речке, о которой говорили: «воды в ней – воробью по колено».

Мальчики с разбегу, в чем есть, плюхались в речку и тут же с визгом выскакивали. Эту студеную горную воду, какая бы жажда ни мучила, разрешалось пить только с ладони и делать не более трех-четырёх глотков. Тех, кто ослушается, пугали: «Вот вырастешь, и будет у тебя огромный распухший живот».

Вот так мы выросли.

– Что-то они рано начали нынче покос, ведь трава еще не созрела... – прокомментировал дядя нынешний сенокос. – А все из-за нехватки рабочих рук, из-за войны...

Эти слова я слышала на протяжении всего детства. А став взрослой, с горьковатым комом в горле прочитала пронзительно-поэтическую исповедь алтайского писателя Кюгея Телесова, запечатленную в книге «В этюдах – мои знакомые»...

ПЕРВЫЙ БОЛЬШОЙ ПЕРЕВАЛ

Нам надо было спешить, поэтому дядя не стал заглядывать к заготовителям сена, только издали помахал им плеткой, и мы двинулись по правобережью Урсула и там, где было спокойное течение, перешли вброд реку. Здесь вода была не столь глубока, как в Талду.

Тут я увидела вдали большое селение с двухэтажным деревянным домом посередине.

– Ело, – коротко сказал дядя, и я поняла, что это название села. Но мы в него не стали въезжать, поехали мимо по тракту. Заглядевшись на единственное двухэтажное здание, я едва не скатилась с крупа коня. Дом напомнил мне мою маму и братишку – точно в таком мы жили когда-то большой семьей в селе Банное...

– Посмотри вон на ту сопку и запомни ее, – дядя показал концом плетки на высокую сопку по левую сторону села. – Как-нибудь я расскажу тебе старинное предание, связанное с ней.

Сопка была похожа на равнобедренный треугольник. На северной стороне, как и положено, росли деревья, а на южной виднелись каменные валуны – и ничего особенного, сопка как сопка. И все же хотелось поскорее услышать старинное предание. (К слову, у подножия этой примечательной сопки по сей день раз в два года проводится всенародный алтайский праздник Эль-Ойын.)

Дальше дорога все время шла в гору. На каменистых участках мелкие камешки с шумом и треском скатывались вниз из-под копыт коня.

И вот мы на перевале – самой высокой точке нашего пути, пролегающего через горный кряж. Здесь вовсю гулял ветер. У каменной насыпи выделялась береза, ветки которой были увешаны вылинявшими от времени ритуальными лентами – кыйра [3]. Вокруг буйно цвело разнотравье.

Дядя помог мне спешиться и, отведя коня чуть в сторону, освободил его от удил, закоротил недоуздок, пустил пастись. После, собрав небольшие камни, выложил их в виде круга, а посередине разжег маленький, размером с ладонь, костер. И вот

наконец раскрыт мешочек, который дала в дорогу бабушка. В нем, на самом верху, лежал лоскуток белого ситца – наподобие ленты для волос. Круговым движением трижды обведя ею над огнем, дядя протянул ленту мне.

– Скажешь про себя пожелание и завяжешь кыйра на ветку березы.

– Таай, а меня наана учила, что вначале кыйра завязывает старший по возрасту, и только потом – младший, – мне хотелось выказать дяде свою осведомленность.

– Так оно и есть, – согласился дядя. – Только я здесь бываю часто, а ты в первый раз.

Довод был убедительным.

Дядя вынул из мешочка кожаную фляжку – тажуур, деревянную ложку и съестные припасы: кусочек брынзы, курут и лепешку.

– Земля моя, даровитый Алтай!
Золотая колыбель – изящный Алтай!
Скромное угощение наше прими!
От чистого сердца прошу...

Белой коровушки белое молоко
Да сольется с Белым пределом – Улу Кеен Кудай!
Синей коровушки синее молоко
Да коснется Синего предела – Улу Кеен Кудай! [4]

Приговаривая алкыш-молитву, дядя с помощью ложки начал брызгать из тажуура молоко во все четыре стороны света, вверх к небу, вниз перед собой, на очаг. Так, через огонь, он подносил угощение Духу горы, родной земле Алтая, Вечному Синему Небу.

Язычки огня с жадностью поглощали капли молока.

Дядя удовлетворенно улыбнулся. Это было видно по тому, как тугим шариком взбурилась его левая, свободная от повязки, щека.

Надо отметить, что у дяди было чудное прозвище: «Шишкощекий». Так прозвали его односельчане за маленькие бугорочки на щеках. «Щеки, а на каждой щеке еще по шишечке», – подтрунивали над ним его сверстники.

Слова алкыша я различала частично, потому что дядя их проговаривал скороговоркой. Но потом я услышала четко и внятно:

– Это первый большой перевал в жизни моей племянницы Торко-Чачак. Пусть остальные, большие и маленькие перевалы, будут ей под силу! – дядя молитвенно возложил правую руку себе на темя, провел ею по лбу и лицу. Потом дал мне знак идти к березе.

«Пусть у Кючлюк-таай не будут больше болеть зубы!» – пожелала я про себя и завязала кыйра на священное дерево.

А вслух произнесла:

– Баш болзын!

– Баш! Баш! – повторил вслед за мной таай и подвел меня к краю каменной насыпи.

Мы стояли под самым куполом неба, и ветер с бодрящим гулом обдувал нас со всех сторон.

По склонам гор багряно цвел иван-чай, и пестрыми колечками лепестков там и тут красовалась саранка – горная лилия.

Вдали над белоснежными пиками горных кражей парил одинокий орел.

Внезапно я ощутила незнакомое мне доселе чувство покоя. Сделалось легко и хорошо.

– Баш болзын! – вырвалось из самых глубин моего сердца.

– Баш болзын! – повторил за мной мой дядя.

Синим звоном пела долина,
Стройной песней раскинулась даль
На перекрестках нашего детства.

(Александра Саруева)

СТАРИННОЕ ПРЕДАНИЕ

Каким необыкновенно вкусным показалось мне молоко, когда мы снова сели к догорающему огню и принялись за скромную трапезу!

– Ну как, понравилось завязывать кыйра? – прервал молчание дядя.

– Очень, – с чувством ответила я.

– И мне нравится. Это древний алтайский обычай, так делали наши старики. Но в школе об этом не нужно говорить, вообще о таких вещах никому не говорят...

Я поспешила кивнуть, так как уже знала – есть вещи, о которых лучше помалкивать.

Дядя испытующе посмотрел на меня, а мне не терпелось услышать историю сопки.

– Таай, вы хотели рассказать про сопку...

Увидев, что я само внимание, дядя начал:

– Когда-то давно у четы молодоженов родился первенец-мальчик. Чтобы охранить его от бед, родители показали мальчика прорицателю-каму (шаману). Тот сказал, что каждый, кто рождается, смертен. Этому ребенку суждено умереть от воды.

Родители несказанно обеспокоились. Чтобы избежать беды, поднялись на эту самую сопку и на ее вершине поставили юрту. Вокруг нее возвели высокую каменную ограду, соорудили надежные ворота. Воду в жилище поднимали в плотно закупоренных бурдюках. Так и жили втроем.

Однажды отец ушел на охоту. А мать, пока дитя спало, спустилась в долину к людям, чтобы запастись солью, табаком и продуктами.

Придя домой, родители увидели ужасающую картину: в корыте вниз лицом лежал их мертвый сын – он захлебнулся водой, которой было, как говорят, воробью по колено.

С отчаянным криком отец побежал по южной стороне сопки, а мать – по северной. И теперь мужская сторона – вся в каменных валунах, а женская покрыта кустами и деревьями.

– А куда девалась каменная ограда? Ее там не было! – спросила я.

– Она развалилась от горького крика мужчины и женщины, – ответил дядя, а потом, выдержав паузу, спросил: – О чем эта история? Ты поняла ее смысл?

Я молчала.

– Торко! – вдруг громче обычного окликнул меня дядя. – Никогда, слышишь, никогда не верь ничему плохому. Не слушай предсказания! Ничьи! Поняла?!

Дядя с силой тряс меня за плечо.

– Да! Да! – поспешно ответила я. – Буду верить только хорошим предсказаниям!

Тут дядя, охнув, схватился за большую щеку – очередной приступ боли. Беспомощно мотая головой, он пошел за конем, а я взяла фляжку и для надежности облила водой маленькую кучку еще горячей золы от костра.

СТАРАЯ СУПРУЖЕСКАЯ ЧЕТА

И вот мы снова на коне, снова в пути. От перевала мы повернули вправо. Ехали долго.

Именно в ту поездку я сама, вполне самостоятельно, сделала открытие, что горный пейзаж, как огонь и вода, также никогда не повторяется, сколько бы ты на него ни смотрел. Только что было одно, а через минуту уже видишь другой рисунок гор и холмов, иное освещение. А тени? Они мне определенно нравились: залягут в складки горных кряжей и лощин и заывают к себе – езжайте сюда, здесь хорошо... прохладно... укроетесь от жары...

И в самом деле, солнце припекало нещадно, хотелось пить, но я знала – нельзя с первого позыва потакать желанию.

Вскоре мы проехали мимо маленькой деревушки.

– Первая ферма, – сказал дядя.

Потом показалась еще одна.

– Вторая ферма.

Тут навстречу нам блеснула излучина реки. Она была небольшая, бурная и шумливая.

– Кара-суу, – сказал дядя, но мне уже перехотелось пить.

– Поскорее бы оказаться на стоянке, – сказала я дяде.

Вместо ответа дядя повернул коня к речке.

На противоположном берегу за черемуховыми деревьями стоял странный дом в форме параллелепипеда без обычной островерхой крыши. Вместо нее сверху рос высокий густой бурьян – заросли лебеды, напоминая собой торчащие вверх растрепанные волосы на голове.

Оконные наличники и сени также отсутствовали.

Рядом находился крытый навес для дров и коровник, также сплошь поросшие бурьяном.

Перед окном на скамье сидели двое старых людей – мужчина и женщина. Бабушка курила трубку, и, казалось, оба они выплыли из сказки.

В некотором отдалении от них дядя спешил и, вручив мне поводья, направился к старикам, с каждым отдельно поздоровался за руку, справился о здоровье, потом вытащил из-за пазухи две пачки махорки, вручил их женщине.

Старики стали о чем-то расспрашивать дядю, потом оба повернули головы в мою сторону, внимательно вгляделись, одобрительно кивнули.

Дедушка встал, хромящей походкой направился ко мне. Следом заковыляла бабушка. Дед достал из-за пояса тряпичный сверток, развернул. В нем оказались колотые осколки от сахарных головок и карамельки в виде нежно-розовых по-

душечек – предел желаний детей того времени. Особую радость доставляла их начинка из яблочного повидла.

Приветливо улыбаясь, бабушка протянул мне сладости. Я старалась держаться по-взрослому, поэтому вежливо отказалась, но дед вложил сверток мне в руки.

– Спасибо! – поблагодарила я стариков и тут увидела, как лучезарно умеют улыбаться старые люди.

Они трогали и прижимали к своему лицу мою ладонь, гладили колена, поправляли складки платья и под конец расплакались...

«Они меня жалеют... считают сиротой», – подумала я и от досады сердито отдернула руку.

– Не сердись на нас...

Старики по-прежнему сквозь слезы ласково улыбались.

Когда мы отъехали на некоторое расстояние от ветхого дома и его престарелых жильцов, дядя сказал:

– Одинокие они. Двое сыновей погибли на войне. Старик – инвалид. Старуха больна. И не такие они уж старые, им обоим под шестьдесят, но вот что делает с людьми горе...

– Им нужен новый дом, – высказалась я.

– Да, нужен. Или хотя бы построить крышу на старом, но они категорически ничего не хотят менять. Считают бессмысленным что-то менять, не для кого, на войну сыновья ушли из этой недостроенной избы.

АНОМАЛЬНОЕ МЕСТО

– Сейчас будет тургакту дьер – аномальное место. Без огня здесь ночью не проедешь, – загадочно проговорил таай и, вытащив из нагрудного кармана коробку спичек, побренчал ею. – Она всегда со мной.

Дядя положил спички на место.

Когда мы подъехали к скалистому обрыву, грунтовая дорога резко перешла на щебневую. Стук конских копыт сделался звонче – под щебнем был камень.

Я огляделась – повсюду вокруг высились скалы, а под обрывом рос колючий кустарник.

Тут вдруг конь убавил скорость и стал тревожно стричь ушами. Когда он резко скинул голову, я успела увидеть огромный испуганный глаз.

– Но-о-о! Чу-у! – твердо скомандовал дядя и крепче натянул поводья.

Я почувствовала, как напряглась дядина спина.

Конь сделал усилие и с поджатыми ушами двинулся вперед.

Проехали опасное место, выехали на открытую местность.

– Все, успокойся, – дядя ласково похлопал шею коня, и тот снова перешел на иноходь.

– Будешь ездить на нем. Рыжий – хороший конь, умный и спокойный.

Я согласно кивнула.

Дальше дорога раздваивалась: правая уходила в лес, левая шла по открытой местности.

Дядя рукояткой кнута показал на левую дорогу.

– Если ехать по этой дороге – приедешь к пастухам коров, а еще дальше, под самыми ледниками, живут пастухи лошадей. Это очень далеко, там таскыл – аль-

пийские луга. Будет время – свезу тебя туда. Впервые поднявшись на таскыл, я понял, откуда у алтайцев взялся кай.

Я тогда еще не знала значения слова «кай». Но от вопросов воздержалась: «Задавать много бездумных вопросов – все равно что зачерпывать ситом воду», – говорила моя бабушка. Поэтому вопрос оставила на потом.

Мы двинулись по правой дороге и снова увидели мелководную реку.

КЕЗЕР-ТАШ

На мой вопрос, как называется эта речушка, дядя коротко ответил: «Кара-суу». Интересная эта Кара-суу: словно играла с нами в прятки – то проявит себя, то исчезнет. А за речушкой открылась широкая долина, сплошь усыпанная задорно пламенеющими цветами – огоньками.

– Ох!

Мое восклицание не получило одобрения у дяди (это я поняла по отсутствию веселого бугорка на щеке), тем не менее он свернул с грунтовой дороги, по которой ехали, напрямиком в сторону пламенеющей цветами долины. Здесь трава росла очень густая и по высоте доходила до стремян. А метелкообразные цветы конского щавеля и высоченный борщевик, если только зазеваюсь, нещадно хлестали по лицу.

Проехав огоньковую долину, дядя натянул поводья. Здесь я увидела небольшой корум – насыпь из камней и целую изгородь из полуметровых или чуть меньше поленообразных каменных валунов, расставленных в определенном порядке, словно солдаты в строю. Многие были буквально втопты в землю и терялись вдаль. А чуть дальше приблизительно метровой длины бурые валуны стояли в полунаклонном положении в виде громадного цветочного венчика диаметром около шести метров.

Неподалеку, отдельно от остальных, высился самый большой, почти полуметровый валун. Дядя подъехал. На валуне четко проступал портрет усатого человека, вросшего по колено в землю. В левой руке он держал чашу, а правая сжимала рукоять ножа.

Мы спешили. Дядя снял шляпу.

– Это кезер-таш – воин-вождь, – пояснил дядя. – Видишь чашу и рукоять ножа? «Если придешь с миром – будет тебе чашка аракы, если вражду принесешь – встречу с кинжалом» – вот что означает. А эти алые цветы – кровь воинов. Здесь когда-то очень давно проходила большая битва. Много тысяч мужчин: и врагов, и защитников полегло тогда на землю. Здесь еще несколько камней поменьше с ликами, но без чаши и кинжала. Это кёжёо-таш – воины рангом пониже. Остальные камни – простые воины. Так оплакивали и чтили память воинов наши предки.

Рассказ дяди произвел на меня неизгладимое впечатление. Как? Такие радостные, красивые и милые цветы – кровь воинов?.. Кровь людей?.. Было о чем подумать.

– Таай, а наана говорила, что эти цветы, чыкайак, – божьи дети.

Дядя немного задумался.

– Ну да, – сказал он потом. – А я разве не о том же?

Перед тем как взобраться в седло, дядя молча поклонился. Я повторила за ним.

ЧАБАНСКАЯ СТОЯНКА

И вот наконец показалась летняя чабанская стоянка моего дяди.

Она состояла из срубленной из дерева юрты, коновязи и овечьего загона. Все постройки, кроме загона, были новые, из свежих лиственничных жердей. Я знала, что дядя все это соорудил сам вместе со свояком Эрельдеем.

О помощнике Эрельдее скажу позже, а сейчас – о коновязи и юрте.

В алтайских поселениях особую роль играет коновязь – столб чуть выше роста взрослого человека. По количеству коновязей можно судить о количестве семей, проживающих в данной местности.

Коновязь, рассказывали старые люди, это символ Мирового Древа, корни которого уходят в Нижний мир – царство Эрлика, бога теней. Ствол – Срединный мир людей, а крона – это Верхний мир, владения Улу Кеен Кудая Кок Тенгери – Вечного Синего Неба, бога света.

На коновязи в старину обязательно делались три кольцеобразные зарубки: первая начиналась с высоты вытянутых вперед рук взрослого человека, расстояние между остальными зарубками определялось сёмом – длиной между вытянутым большим и согнутым указательным пальцем. Заканчивалась коновязь обязательно конусообразным навершием. Если пересчитать кольца, опоясывающие коновязь, их получалось семь. Так, языком символов каждая семья оказывалась связанной с семью коленами своих предков, с мирами Жизни и Смерти, со Вселенной. Вот почему для алтайской семьи коновязь обязательна, она, как и очаг в юрте, священна и отдельно от юрты не сооружалась. В старину при перекочевке коновязь перевозилась вместе с разборной юртой и на новом месте водружалась первой. Коновязь также была аналогом небесного Алтын Казыка – Золотого Кола, так алтайцы называют единственную зрительно неподвижную звезду на небе – Полярную.

А юрта (по-алтайски ее называют «айыл») мне всегда напоминала опрокинутую вверх дном чашу с одним окном-дымоходом на макушке и одной дверью, направленной на восток. Бабушка говорила, что раньше решетчатый, круглой формы остов юрты всегда покрывался войлоком, сделанным из овечьей шерсти, и что она сама застала такое время. «В те времена, – говорила она, – никому бы не пришло в голову рубить деревья для постройки юрты, так как народ вел кочевой образ жизни. Скота держали много, так много, что ни в какое сравнение не идет с нынешним хозяйством. Поэтому и кочевали – скоту нужен был постоянный свежий корм. При перекочевке деревянную юрту быстро не разберешь, это все равно что разбирать по частям избу. Зато с решетчатой справлялись за время приготовления обеда. К тому же в деревянной юрте зиму не выдержишь, замерзнешь, а в войлочной – летом было прохладно, а зимой тепло...»

К зимнему сезону юрты покрывались двойным слоем кошм, а земляной пол – толстой кошмой и шкурами. Дымоход – тюндюк также закрывался на ночь отрезком кошмы квадратной формы с помощью двух пятиметровых веревок, свисающих к передней части юрты.

Еще одна очень важная деталь жилища – это порог. Он бывает высотой в один сом (это длина между большим и указательным пальцами) или в один карыш (длина между большим и средним пальцами), а шириной в один сём. Любый человек, входя в юрту, должен был перешагнуть порог. Ставили на него ногу

только враги и недоброжелатели. Детям не разрешают сидеть на пороге – здесь, на пограничной зоне внутреннего пространства дома и внешнего мира, считалось, сосредоточена некая сакральная сила, имеющая нежелательное воздействие на неокрепшую психику ребенка.

Немаловажную роль играло и наверху двери. Оно должно располагаться на такой высоте, при которой любой взрослый человек, входя в дверь, вынужден будет слегка пригнуться и тем самым выказать свое почтение От-Эне (Хозяйке огня) и жильцам юрты.

Чудесно о юрте поведал писатель Дибаш Каинчин устами своего героя Яманки: «Разве плохо в аиле: дров – целая тайга, не перетопить, шуба овчинная греет снаружи, мясо жирное – изнутри. Сидишь себе в аиле возле очага, будто сам Бог: через макушку ты связан с Небом-Отцом, с Солнцем и Луною, со звездами, а под кошмою, на которой ты сидишь – твоя Мать-Земля, и лицо тебе греет сама пуповина жизни – Огонь. Словом, со всеми Великими Покровителями самолично соприкасаешься, беседуешь, советуешься, и они тебя охраняют. Аил твой – храм твой».

Овечий загон был собран из тонких струганных жердей в три ряда и имел форму круга. Высотой ограда была чуть выше спины крупного барана. Земля в загоне – черно-бурого цвета, хотя за оградой зеленела сочная густая трава. Овечий кал, моча да копыта выели всю зелень. По краям загона белели небольшие, гладко облизанные цельные головки соли. Перед дождем их уносили в юрту, чтобы не растаяли.

Еще возле юрты находилась телега с двумя флягами. Это значит, воду сюда подвозили во флягах. Отдельно от всего красовался оловянный рукомоиник, прибитый к невысокому колу.

Строения располагались в километре от речки Кара-суу. Так делалось на случай разлива. «Не позволяй себе лениться, не будь вялой, не будь сонной, наблюдай за всем, читай знаки, – любила говорить мне моя наана, – вникай в смыслы, увиденное и усвоенное увязывай между собой – много вопросов не задавай».

СТОРОЖ ТАЙГЫЛ

Первой нас приветствовала сторожевая собака черно-белой масти с остро торчащими ушами и хвостом колечком. Она рвалась с привязи и прямо-таки заливалась лаем – исправно исполняла свою обязанность.

В алтайских мифах говорится, что когда человек поймал собаку, она сказала: «То, что ты будешь пить, и я буду пить. Если враг придет, то, учуяв его, тебе донесу. Сколько есть сил, с ним буду драться, тебе помогу. Твое спокойствие буду без ружья защищать. Подраненную тобою дичь для тебя всегда догоню. Твоего ребенка буду защищать, согреть» [5]. А самому Дьайаачы-Кудаю – Создателю она сказала: «Жить, не умирая, невозможно. Умрешь, наследник останется. Дьайаачы должен сотворить мир так, чтобы у ушедшего ребенок остался. Таким образом, небо не должно разрушиться, земля не должна перевернуться, род не должен прерваться».

«Собака и поныне сторожит золотой дворец Ак-Быркана», – любила поговаривать тетя Суркурак, мама алтайской поэтессы Гюзели Элемовой, называя Бога этим, одним из многих, именем.

Словами высокой оды воспеты в героическом эпосе «Маадай-Кара» образы двух собак, противостоящих богу подземного мира Эрлику и его посланникам – шулмусам, верно служащих герою – альпу.

У основания ствола,
 Чтоб нечисть злая не смогла
 Пройти, вселить в народы страх,
 Сидят на кованных цепях,
 Шулмусам тропы заступив,
 Путь Эрлик-бия преградив,
 Два черных пса сторожевых –
 Тайгыла, неусыпно злых.
 Альпу верен пес Азар,
 Альпу предан пес Казар,
 Кровавоглазые, они,
 Клыками клацая, лежат
 В золото-серебряной тени,
 Алтай земли сторожат.

(Перевод Александра Плитченко)

Вот такая ответственная роль, высокая миссия отведена собаке, недаром человек приручил ее первой, считают алтайцы.

Хорошую собаку не ругают, не бьют и ни в коем случае не пинают (иначе вскроется охромеешь), ее нельзя кормить грязной пищей, еда должна быть теплой, но не горячей. Постаревшую собаку надо содержать до естественной кончины. При ее приближении она сама уходит из дома в лес или в поле. И никто из людей не увидит этот печальный акт ее жизни.

«Чем иметь другом ненадежного человека, лучше иметь хорошую собаку», – говорят на Алтае.

С собакой связаны многие народные приметы: в ясную погоду ест траву – к дождю. Мало ест, много спит – тоже к ненастью. Жметя к хозяину, глядя ему в глаза, – к несчастью. Не ест ничего, если в доме больной, – дни того сочтены. Постоянно воеет – плохой знак.

Дядя ласково потрепал собаку за ушами, спустил с цепи и сказал, что она – помесь лайки и дворняжки, обладает отменным чутьем, и кличут ее Тайгыл.

Бесцеремонно облизав дядю поверх его белой повязки, Тайгыл переключил внимание на меня – облизал лицо. С непривычки я побежала к рукомойнику и стала смывать слюну.

Дядя укоризненно посмотрел на меня и сказал:

– Собачья слюна – лучший на свете крем.

СНОХА ШАНКЫ

На лай собаки из юрты выглянула хозяйка. Мне она приходится снохой – дьене. Зовут ее красивым именем Шанкы, что означает: накосники. Чаще всего это нанизанные в ровный ряд ракушки каури. Но сейчас косы венчались парой серебряных подвесок, которые при каждом движении хозяйки звенели и перезванивались: «динь – дзинь»...

Дядя любил шутить, что выбрал ее в жены именно по звуку подвесок.

Шанкы была из рода тодош. Род по-алтайски – сеок, что дословно означает «кость». Раньше, во времена моего детства, после того как назовешь имя, надо было непременно назвать свой сеок, то есть имя рода. Как ныне по данным гороскопа можно в общих чертах определить характер человека, так и сеоки могут дать некоторые сведения о генотипе любого из нас. Впрочем, гороскоп строго регламентирует 12 типов личностей, а сеоков втрое больше. Должно быть поэтому (но, может, по другой причине) некоторые из родов объединяются в одну родственную группу, и тогда предположение об идентичности сеока гороскопу остается верным.

И все же не это главное в бытовании родовых различий, а то, что люди одного рода считаются родственниками – братьями и сестрами, и браки между ними – строжайшее табу. Это делалось во избежание кровосмешения.

– Вот и помощница прибыла, – ласково сказала сноха Шанкы и поздоровалась со мной за руку, как со взрослой. Она мне всегда нравилась, а в этот раз по-особому: она была в интересном положении. Свой огромный круглый живот молодая сноха поддерживала левой рукой, а при ходьбе ступала с милой косолапостью.

ПОМОЩНИК ЭРЕЛЬДЕЙ

Об Эрельдее, младшем брате Шанкы, люди в селе говорили, что он предпочел бы сам всю жизнь пастись на страницах книг, нежели пасти овец. Так, наверное, и есть: у него за поясом торчала книга.

Он прискакал к нам на вороном резвом коне, увидев меня, облегченно вздохнул: «Уф-ф-ф!» – и, не сказав ни слова приветствия, помчался назад. Такой невоспитанный!

Тайгыл кинулся ему вдогонку.

Вскоре из-за ближайшего пригорка показалось стадо овец, погоняемое Эрельдеем и Тайгьлом.

Сноха Шанкы уже развела огонь в очаге и водрузила на таганок черный закопченный чайник.

Дядя расседлал коня.

Я взялась помогать дяде. Хоть и было тяжело, подняла седло, втащила в юрту, уложила в специально отведенное для конской упряжи место – возле двери. Сюда же перетащила потник и чепрак.

Потом мы с дядей помогли Эрельдею загнать овец в загон. Эрельдей зажал между ног крупного барана и перевил ему один рог узким лоскутком белой ткани в качестве опознавательного знака.

– Если изучишь повадки вожака, будет легче управлять всем стадом, – поделился своим опытом дядин помощник.

Эрельдей был среднего роста, сухощав и симпатичен лицом. «Если принарядить, будет выглядеть как принц из сказок», – сделала я про себя заключение.

А читать мне тоже очень нравилось, особенно любила сказки с красивыми и яркими иллюстрациями. У меня долго хранилась одна такая книжка с рисунками грустного принца и принцессы в тыквенной карете, запряженной мышами – подарок и память от мамы.

ЧАБАНСКАЯ ТРАПЕЗА

Наконец мы все собрались в юрте и уселись вокруг низкого круглого столика с яствами и керосиновой лампой.

Что можно сказать об убранстве чабанской юрты? Все то же, что и о любой другой. В ней стояли две кровати: с серовато-белым ситцевым занавесом для хозяев прямо за очагом напротив входа и для Эрельдея – на левой стороне, если смотреть от двери.

Между ними располагался большой инкрустированный перламутром сундук. На нем слоями, одна на другой, лежали постельные принадлежности.

Возле сундука на специальной вешалке красовался матросский костюм. Дядя им очень гордился и по праздникам неизменно облачался в него. Вообще в обычное время костюм всегда хранится в сундуке, но, как оказалось, сегодня сноха вывесила его специально к моему приезду – он мне очень нравился.

На правой, женской, половине, как и полагалось, была размещена кухонная утварь: старый шкаф для продуктов, отдельный ящик для хранения муки и еще две полки для посуды.

Пол был земляной, с примятой зелено-бурой травой, кое-где на нем лежали мягкие козьи шкурки.

Обеденный столик располагался на левой стороне прямо перед сундуком, под ним был расстелен большой серый войлочный ковер со вдавленными орнаментальными узорами по бордюру.

Здесь же, на левой, мужской, стороне, возле двери висели предметы конской упряжи и охотничье ружье.

Самое интересное в юрте – это очаг и дымоход. Я знала уже, что очаг, открытый огонь с треножником-таганком – это центр любой юрты, душа ее, средоточие жизненной энергии. В каждое новолуние хозяйка окропляет От-Эне свеженадоенным молоком, разжигает священную ветку арчына-можжевельника и при этом приговаривает:

Тридцатикосая Мать-Огонь!
 Изящная и ловкая Дева-Мать!
 В мягкой постели из золы,
 Небесного происхождения Вы,
 С поясом железным Мать-Огонь!
 Красноликая,
 Играющая язычками пламени,
 Смуглолицая,
 Живая Мать-Огонь!
 Искрящаяся,
 Со всем мирозданием связанная,
 Освещающая жилые,
 С пышным султаном на голове.
 Освящающая аил,
 На светло-желтой лошади, Мать-Огонь,
 В ярко-шелковой одежде,
 Тридцатикосая Мать-Огонь!

От чистого сердца

Мое подношение

Примите...

(Перевод Гюзель Элемовой)

Над очагом, на высоте двух метров от земли, тянутся две поперечные пере­кладки – керем, которые как бы «вырастают» из внутреннего наверху двери проходят над очагом и обрубаются на тѐре (место за очагом). Перекладки под­держиваются с помощью шеста с Т-образным навершием. На этих параллельных сооружениях лежат деревянные решетки – аскыт, на них, бывает, сушится курут – кислый творожный сыр, вялятся, копятся деликатесы к чаю и сырое копченое мясо, нарезанное тонкими жгутами.

Дядина юрта была новая, поэтому на навершии керема висела лишь связка сушеного мяса и пара кругляшек топленого масла (залитое в чисто вымытые кишки домашних животных и подвешенное высоко над очагом масло долго со­храняет свои качества).

За очагом возле шеста красовался неременный атрибут каждой юрты – дере­вянный кюп. В нем хранился кисломолочный напиток – чегень. Древний обычай обязывал любого гостя в первую очередь приветствовать чашей с чегенем, после, пока варится мясо, приступают к чаепитию.

Место между очагом и изголовьем супружеской кровати считается сакральным, сюда никто не должен ступать, кроме хозяев, разве только малолетние дети.

Самая высокая точка юрты – это дымоход, он же – окно в космос. Я уже пред­вкушала, как сегодня ночью, когда огонь в очаге перестанет ярко гореть, буду смотреть на звезды через дымоход дядиной юрты, наблюдать, как одни светила будут сменяться другими.

Еще следует сказать о том, что в юрте не бывает острых углов. В этом ее главная особенность. Юрта, хоть деревянная, хоть войлочная, в основании имеет форму круга. «Под куполом юрты – все равно что под куполом неба» – заметил кто-то из поэтов и, конечно, был прав – ночью в ясную погоду звезды мерцают прямо в окошко дымохода...

Ночь. Алтай.

Луна – как сережка.

Четкий профиль горной гряды.

Можно трубку, привстав немножко,

Раскурить от любой звезды...

(Борис Укачин)

Тем временем сноха Шанкы деревянной лопаточкой разгребла горячую золу очага и извлекла из нее круглую лепешку. Обжигаясь, подула на нее, тщательно отбтерла кухонным полотенцем и подала к столу.

От лепешки шел легкий пар и вкуснейший хлебный запах.

Кроме нее чабанская трапеза состояла из быштака – брынзы, топленого масла, талкана – толокна из жареной пшеницы и очень вкусного густого чая, заправлен­ного свежими сливками и солью.

Трапезу должен был начать старший в доме, поэтому мы с Эрельдеем терпе­ливо ждали, когда же дядя примется за еду.

– Кайракоон баш! (Господь благослови!) – молвил он наконец, присев к столу и преломив лепешку.

В те времена, а это какие-то полсотни лет тому назад, старшие неукоснительно соблюдали правила этикета за столом и требовали того же от нас. Садились за трапезу все вместе, и начинал ее всегда старший по возрасту в доме. Перекусывать на ходу, есть отдельно, вкушать без благодарения считалось дурным тоном, неуважением к еде, к окружению, к традиции предков. Если кто-нибудь из детей тянул руку раньше старших, получал от матери шлепок по пальцам. Вставали из-за стола тоже все вместе со словами: «Тойгон ток, толу куруй – ток санаа! Кайрокоон баш!» («Насытились, наполнились – ясный разум, слава Господу!»). В разных частях Алтая благодарение могло выражаться разными словами, но смысл оставался один. Благодарил всегда старший из мужчин за столом, в его отсутствие – хозяин семейства. Если в доме находился гость или гостья, то они.

За ужином дядя обрисовал план действий на ближайшие два-три дня. В основном разговор касался овец – мне были даны азы чабанских знаний.

ВЕСТНИК

Проверяя на ночь тлеющие головешки, сноха Шанкы вдруг коротко вскрикнула – с мужской стороны по краю очага сидел на торце слабо горящий уголек. Хозяйка просияла лицом. С победоносной радостью взглянула на нас, как бы приглашая взглянуть на чудо, открытое только что ею.

Я тотчас оказалась у очага. Да, так и есть: по левому краю очага, слегка краснея сквозь сизый пепел, «сидел» на торце плотный толстенький уголек. Коночы – гость!

А сноха тем временем нашла маленькую щепку и, пользуясь ею, словно ложкой, ловко зачерпнула горячую золу, а потом ею обсыпала уголек. И так несколько раз. При этом, как положено, приветливо и ласково приговаривала:

– Добро пожаловать, дорогой, долгожданный гость! Мы ждем вас, очень-очень ждем! Будьте добры, примите угощение моего дома! Вот вам дары Лунно-Солнечного Алтая, Срединного Алтая, моей семьи от чистого сердца дары – белое молоко, густой чай с душистым талканом и маслом, вот курут, быштак, а вот вам свежеиспеченный хлеб наш, примите от души, не откажите...

После этого сноха уложила коночы на бочок.

– А теперь, уважаемый, отдохните в нашем доме, поспите всласть, мы будем охранять ваш сон...

И снова обсыпала гостя золой – укрыла одеялом.

Я уже знала этот обычай. Мне он очень нравился. Уголек, «сидевший» на торце с левой стороны, означал, что вот-вот в доме появится гость мужского пола (гостья-женщина означалась бы на правой стороне очага). Мне захотелось присоединиться к ритуалу – нашла щепочку, зачерпнув ею золу, посыпала на заветный уголек.

– Сестра, сколько раз я вам говорил, что все это суеверие, бабушкины сказки, – круто вмешался в действия снохи ее младший братишка Эрельдей. – Наука уже давно доказала, что ничего такого нет и быть не может... Вы что, не понимаете, что всякой дурью забиваете голову вот таким несмышленишам...

Эрельдей кивнул в мою сторону, но так как мы со снохой продолжали общение с коночы, досадливо махнул рукой:

– Э-э, что зря говорить!

Длинно зевнув, брат Шанкы достал из-под столика книгу, открыл на закладке.

– Как это может быть суеверием? – мягко заговорила сноха. – Ты же помнишь мамин рассказ о том, как одна женщина стала невольной виновницей гибели своего единственного брата...

– Тогда это было просто совпадение! – буркнул Эрельдей.

– Ничего себе совпадение, если ее брат утонул в реке! Не упал с коня, не сорвался с кручи, а именно утонул, да еще совсем рядом со своим домом!

Мы с дядей переглянулись – брат с сестрой явно знали что-то интересное, связанное с коночы.

– Это мама нам рассказывала одну очень печальную историю, – тихо начала сноха, словно почувствовав, с каким нетерпением я ждала ее рассказ. – Было это давно... Жила-доживала свой век одна одинокая женщина в нашем урочище. Никого из родных у нее не было, война отняла всех до одного... Уж сто раз она оплакивала свое одиночество, уже все слезы выплакала – душа успокоения не обретала... А годы шли...

И вот однажды она увидела коночы. Он сидел на тёре (изголовье очага). Там, вы знаете, размещается родня. «И какому такому родственнику предрекаешь войти в это давно уже схваченное смертью жилище, ты, глупый коночы! Издеваться вздумал! Вот я тебя за это!» – с неутешной болью воскликнула женщина, схватила шипцами уголек и сбросила его в корыто с водой. Не успела женщина вскипятить чай, как к ней в юрту пастухи внесли насквозь вымокшее, тело мертвого человека. Оказалось, это был ее брат. Он долгое время был в плену, сумел бежать, с невероятными трудностями добрался до своего урочища, успел увидеться с соседями за рекой, скорей поспешил к сестре, однако, переходя вброд вовсе и не глубокую реку, умудрился утонуть.

Сноха Шанкы тяжело вздохнула, отодвинула к краю очага, но так, чтобы не задеть коночы, догорающие поленья – костер был уже не нужен. Потом взяла меня за руку, повела к кровати слева, помогла улечься, укутала одеялом.

Эрельдею явно нечего было возразить. Постель ему была постелена возле очага. Он убрал книгу снова под столик и молча улегся.

– Вот тебе и бабушкины сказки! – весело подмигнул мне дядя и взмахом руки потушил керосиновую лампу. У него это получалось классно. – Всем спать! Завтра много дел, к тому же От-Эне пообещала гостя, а гость, как известно, – от Бога.

ТУМАН НА СТОЯНКЕ

На следующее утро меня разбудила сноха Шанкы. Молча подала мне мыло и полотенце, а потом направилась к двери и раскрыла ее настежь. В юрте тотчас сделалось и светло, и свежо.

Обуваясь, я увидела у изножья своей кровати несколько бутончиков живых цветков – кукушкины слезки и лютики. Они красовались желто-фиолетовыми пятнами среди побуревшей от отсутствия солнечных лучей травы. Вчера при свете керосиновой лампы я их не заметила. Оказывается, в новоотстроенной юрте

еще долго могут оставаться свежими головки полевых цветов и трав. Поцеловав каждый цветочек в личико, я выбежала на улицу.

Но что это?! Примерно на высоте полуметра от земли стоял бело-молочный туман. Ни овечьего загона, ни коновязи, ни рукомоЙника не было видно. И тишина. Только пару раз звякнула цепь со стороны собачьей конуры.

«А как же овцы? – подумалось в первую очередь. – Как их пасти в такой туман?»

– Это ненадолго, скоро рассеется, – раздался голос снохи от рукомоЙника. – А ну-ка, нагнись... да пониже...

Я нагнулась почти до земли.

– Ну как?..

Под плотным слоем тумана я увидела часть загона с овцами, подножие коновязи, ноги и живот рыжего коня с подпругами и стремями, и еще рукомоЙник. Дьене мыла себе лицо. Только телеги не было. Вместо нее на земле стояли две фляги с водой.

– Твой дядя вместе с Эрельдеем уехали на телеге. Оставит его на разъезде, сам поедет в райцентр вырывать зуб. А Эрельдей автостопом поедет в город. Через неделю у него экзамены в педучилище. Если сдаст, останется там. Если нет, вернется сюда чабанить, – сообщила сноха.

НАПУТСТВИЕ СНОХИ

Пока вкушали утренний чай, туман рассеялся, будто его и не было. Только далеко в ложбинах, низко пригибаясь к земле и тая на глазах, лениво плыли тонкие ватные клочки. Я уже знала приметку: впереди нас ждут ясные дни.

Сноха выпустила овец из загона. Мне удалось самой взобраться на Рыжего и усесться в седло. Об этом позаботился дядя: со стремени свисала кожаная петля для ноги, и теперь я смогу самостоятельно вскарабкаться на коня, когда захочу. Это – победа. К седлу были приторочены мешочек с обеденным пайком и тугой волосяной аркан, свитый из гривы и хвоста коня.

– Ты ничего не бойся, ладно? – уговаривала меня сноха Шанкы. – Сейчас лето, хищникам хватает корма и в лесу. В открытое место, там, где человек, они не пойдут. Главное – не давай овцам заходить в лес.

Согласно кивнув, я направилась к овцам. Тайгыл с отчаянным лаем изо всех сил рвался с цепи. Понять его можно – он хотел на волю.

– Ай-ай-ай, Тайгыл, собачка моя! Как не стыдно! – прозвенел за моей спиной голос снохи. – Ты хочешь сбежать и оставить меня совсем-совсем одну?! А?!

Рыжий был славным конем, это я поняла за первые полчаса самостоятельной езды. Недаром лошадь была приручена второй после собаки. Первый пойманный человеком конь сказал: «Большой опорой тебе буду, если упадешь – гриву свою постелю. Не стреноженный – сколько хватит сил, буду тебе помогать, довезу, куда хочешь».

А в эпических сказаниях говорится, что конь – это крылья батыра, он лучший друг и советчик, и примерно так обрисовывается его несравненный образ:

Могучий конь Карыш-Кулак,

Чья грива, будто водопад,

Струясь, колышется, густа,
Чьи, укрывая след, висят
Сто прядей длинного хвоста.
Летит огонь, рокошет гром
От стука четырех подков,
И лунно-солнечным тавром
Скакун помечен с двух боков,
Глаза прекрасные черны,
Как при затменье две луны,
Глядят на обе стороны,
И все дороги им видны.
Всех обгоняющий коней,
Сильнее прочих скакунов,
И целых табунов ценней –
Альпа аргамак таков.

(Из «Маадай-Кара», перевод Александра Плитченко)

Сказывают, что на Алтае, в долине Урсула братья Манди и Аргымай Кульджины держали несметное количество табунов. Поясню, что единицу большого табуна составляет косяк из одного жеребца и двенадцати-пятнадцати кобылиц. Жеребец сгоняет кобылиц в одно место, и если кобыла сбегает в другой косяк, то назад ей пути не будет – прежний жеребец не подпустит к своему косяку. Такой вот строгий собственник. Обычный табун состоит из трех-четырёх косяков, то есть приблизительно из пятидесяти лошадей. А большой табун – из десятка, двух десятков малых табунов, это около пятисот или тысячи кобылиц и жеребцов. И когда эдакий живой монолит во весь опор несется по долине, то зрелище получается неопишимо волнующим. Недаром Манди на выгодное предложение продать табун, говорят, ответил: «Зачем мне горы золота и денег, когда несущийся, как ураган, табун доставляет мне ни с чем не сравнимое наслаждение?!»

Поэт Каран Кошев белым стихом обрисовал нам, своим современникам, удивительный образ:

Есть белый конь
в душе у меня,
конь времени,
молочный конь Алтая.
Он чист, как снег,
как яблоневого цвет...

А вот народные приметы, основанные на наблюдении за лошадьми. Если лошадь сильно вдыхает, фыркает ноздрями, то это к дождю. Привязанная к коновязи лошадь топчет землю – будет дождь. Лошадь ноздрями протяжно вдыхает воздух – к дождю. Зевание лошади – к добру, возможны гости. Лошадь стрищет ушами – хороший знак, напряженно прижатые – плохой. Если конь, фыркает, играет и грызет удила – к дальнему пути. Перед дорогой лошадь кусает стремя – плохая примета. Лошадь старается постоянно уйти в сторону от дороги – не к добру [6].

Лошадей алтайцы относят к животным с теплым дыханием, так же, как овец и собак. А вот корова, коза, як и кот относятся к животным с холодным дыханием. И только верблюд несет в себе качества двух типов домашнего скота и принадлежит двум мирам одновременно.

Точно так же маркированы и растения: береза, кедр и лиственница – деревья чистые, они создания Ульгения, бога света. А вот ель, сосна, пихта и осина – создания Эрлика, бога подземного мира, поэтому в ритуальных предметах не могут быть употреблены.

Основу традиционного алтайского вероучения составляет дуализм – учение о сосуществовании, взаимодействии и противоборстве двух изначальных, равноправных принципов бытия – Добра и Зла, Света и Тьмы, Жизни и Смерти, Любви и Ненависти, Истины и Лжи и т. д. Суть его состоит в том, чтобы человек в душе своей примирил и принял данные противоположности, как неизбежное и необходимое условие существования Мира и Жизни.

Следует заметить, что в теологии алтайцев действуют два Творца, два брата: бог Верхнего мира Улгень (это привычная уху русская транскрипция табуированного имени бога Кок Тенгери – Улу Кеен, что значит Великий-Просторный, в редуцированном виде – Улкен, Улгень) и бог Нижнего мира Эрлик. Старший – Эрлик. Акт творения проводили, исходя из сути каждого, на равных, поэтому все в мире имеет свою пару, противоположность. Так, домашний скот с теплым дыханием есть творение Ульгения, а создания Эрлика – животные с холодным дыханием. Аналогично построен двенадцатилетний тенгрианский календарь, где попарно следуют мягкие (благополучные) и тяжелые (неблагополучные) годы.

Дни месяцев также маркированы: все важные, значительные дела выполняются с новолуния до полнолуния; убывающую луну предпочтительно переждать, но если предстоит уборка и стирка, посещение бани или хирургическая операция по удалению воспалившихся органов – самое время ими заняться.

В сутках неблагоприятные отрезки времени – утренние и вечерние сумерки. Они требуют к себе бдительного отношения, например, нельзя спать на кызыл энир (вечерние сумерки), разрешать детям плакать, так как это время проявления черной силы, не выражают соболезнование в вечернее время и не рассказывают сны.

Человек создан совместными усилиями обоих демиургов: тело сотворил Улу Кеен Тенгери, душу – тын вдохнул Эрлик. Отсюда – вечная раздвоенность, противоречивость, парадоксальность человеческой натуры.

Каждый из богов – властитель своего мира, в Срединный – человеческий – они вторгаются по необходимости через помощников-посредников, добрых и злых духов.

«ШАМАНСКАЯ» ПЛЯСКА

Мой первый чабанский день начался замечательно: овцы никуда не рвались, тихо и мирно паслись в долине примерно в шести километрах от стоянки. Нужно было только время от времени выравнивать переднюю линию, чтобы крупные сильные овцы давали место молодняку.

Долина была большая, с редкой порослью берез и лиственниц, так что юрту я видела из любой ее точки. Это придавало уверенности.

В обед я пригнала овец на водопой, к речке глубиной, что называется, воробью по колено. После снова погнала на прежнее место. Но тут наступила полуденная жара, и овцы, сбившись прямо посреди поляны в один большой круг, попрятали головы под животы и хвосты друг друга и простояли так до тех пор, пока не дохнуло прохладой.

Я за это время успела перекусить, напилась в речке воды и дала напиться коню.

Прежде чем преломить хлеб, отщипнула от него кусочек, стерла в крошево и со словами «Кайракоон баш!» рассыпала рядом на землю. Так делала бабушка: «Все малое и хрупкое нуждается во внимании, все – божьи творения», – говорила она голосом, не допускающим возражения. Тотчас множество черных муравьев облепило яство, копошась и подлаживаясь под груз, растащило его по своим земляным норкам – маленьким расщелинам среди трав и кореньев.

Также я поступила с кусочком брынзы. И снова в скором времени от крошек брынзы ничего не осталось. До чего же сообразительные существа!

...У меня сохранились две тетради рассказов бабушки. В одной я нашла запись о муравьях, о том, что они спустились с неба на землю по радуге, обжили ее, соорудили себе куполообразное жилье. Увидели люди со своих небесных просторов круглые куполообразные муравьиные жилища, удивились – до чего же ладные! Следом за муравьями спустились на землю и построили себе круглые юрты. Поскольку подобного я ни от кого больше не слышала, не доводилось и читать, то склонна отнести этот рассказ к бабушкиному творчеству. Но, возможно, это одна из притч ее свекра, легендарного Аба Кёкуля. О нем несколько позже.

После обеденного перекуса села под тень ближайшей к овцам одинокой лиственницы, вокруг себя выложила в виде круга волосяной аркан из конской гривы и хвоста – так защищаются от змей на случай, если ненароком заснешь. Однако должна заметить, за все лето ни разу я не уснула на рабочем месте. Взрослые всегда хвалили во мне это качество, а я любила похвалу.

Рыжий конь лениво пасся рядом, но чаще всего тоже заходил под лиственницу и там переждал жару. Его замучили оводы. Он отбивался от них своим длинным хвостом.

Часы, минуты длились томительно долго. От нечего делать я обзревала то один край небосвода, то другой. Все надеялась: вот появится тучка и закроет палящее солнце... Легкие облака появлялись, но только с северной стороны, да и те, будто испугавшись светила, уносились дальше...

В то лето моим любимым занятием стало мысленное воссоздание всевозможных фигур из облаков. Да, вот так! Благодаря силе моего воображения иной раз на небесах разворачивалась целая богатырская баталия!

Это на небесах. А на земле достаточно было, не шевелясь, вперить взгляд в любую точку горного пейзажа (смотреть нужно было как бы рассеянным взглядом и одновременно сквозным, в одну точку), и непременно вырисовывался какой-нибудь чудный образ. К примеру, один из них – «дух горы» – возникал на южном склоне сопки Содон в послеобеденный час, когда солнце начинало отходить от зенита. Лобную часть «духа» составляла верхняя гряда скал, а островки корумов были его глазами и отверстиями ноздрей; заросли ветвистого арчына становились пышными

волосами, кустистыми бровями, усами и бородой. При этом наша юрта у подножия сопки смотрелась всего лишь махонькой пуповиной великана, а кол с рукомошкой и фляги – темными родинками на запястье его гигантской длани...

Все волшебное и чудное длится мгновение. Так и сейчас – проявил себя «дух горы» на доли секунды и исчез, и снова перед взором означился первоначальный горный пейзаж с человеческим жильем и овечьим загонем у подножия.

Это было мое кино.

Вдруг стадо разом очнулось. Вожак первым поднял голову, потом опустил ее и рванул губами траву. За ним, как по команде, последовали овцы, рванули траву и пошли неумолимо вперед, только вперед, напоминая собой жующий без остановки монолит. Продвигалась эта живая машина достаточно быстро и только по прямой.

А впереди был лес, и уже темнело. А в горах ночь наступает мгновенно – об этом я знала по опыту молодежной бригады... Остановить овец было вообще невозможно, они меня не признавали – ноль внимания и всяческое презрение на мои вопли и удары плеткой до изнеможения. Мне грозило остаться с овцами в лесу на всю ночь. Воображение тут же нарисовало ужасающую картину: стая свирепых волков терзает овец.

– Что делать? Что делать?! – запричитала я вслух, но тут овцы вдруг остановили свое движение, увидев перед собой препятствие – лежащее поперек их пути небольшое бревно.

Всего пару секунд они стояли в нерешительности, а потом под предводительством вожака плавно обогнули бревно и двинулись дальше, к темному лесу. На их пути, метрах в двустах впереди, лежало еще одно бревно – огромное, в два обхвата рук взрослого человека. Тут мне в голову пришла замечательная мысль. Стеганув по крупу Рыжего, я понеслась вперед, по направлению движения отары. Обогнала ее и примерно в ста метрах от бревна за густым кустарником жимолости покрепче привязала коня к стволу березы. Сама же взобралась на толстое бревно, лежащее как раз поперек движения овец, и, прикинув к нему, замерла.

Рыжего отсюда не было видно, что и требовалось. Тем временем жующий и шуршащий живой монолит приблизился шагов на пятьдесят.

Мне были видны только первые ряды овец, задние тонули в сумерках.

Я выждала еще чуточку времени, затем с яростным воплем, словно после ожога крутым кипятком, вскочила на ноги, прыгала и скакала по бревну, изо всех сил трясла руками, камчой, ногами выделявала невообразимые коленца. Ну чем не шамаский танец! Только вместо бубна – камча.

Овцы разом остановились, вскинули удивленные морды. Впереди всех вышался вожак с полосатым опознавательным рогом.

Я снова припала к бревну и замерла на месте в позе хищного зверя, готовящегося к прыжку на голову жертвы.

Вожак недоуменно воззрился на меня, я на него. В поединке взглядов человеческий оказался более устрашающим: украшенная лентой баранья голова резко развернулась на 180 градусов, и вожак, натыкаясь на овец, рванул назад. С немыслимо ликующим победным воплем я спрыгнула с бревна! Овцы испуганно шарахнулись от меня и кинулись вдогонку за вожаком. Еще один истошный вопль полетел вслед стаду. Ошарашенные невиданным доселе зрелищем овцы ошалело неслись к стоянке.

Когда я подбежала к Рыжему, он испуганно (слышал мой вопль) рвался с привязи. Конь весь покрылся испариной и дрожал. Сесть на него я не смогла – он не давал к себе приблизиться. С огромным трудом повела я коня на поводу. Успокоился Рыжий, только когда вышли из лесу.

Тут я увидела забавную сцену: Тайгыл сидел на нашем пути в свете фонаря и оторопело, прямо как человек, смотрел вслед несущемуся к стоянке стаду. А рядом сноха Шанкы с побелевшим, словно чистый лист тетради, лицом, держа над головой зажженный чабанский фонарь, напряженно всматривалась вдаль.

Оказалось, не дождавшись меня с овцами, она с Тайгылом отправилась на поиски.

ОБЛАКО НА СОПКЕ

Следующее утро было ясным, ни облачка на небе. Солнце уже взошло и лениво выглядывало из-за макушек деревьев – будто еще не совсем проснулось.

Я поскорее взялась за потник, чтобы оседлать Рыжего, но сноха остановила меня:

– Сегодня прогуляешься пешком, – и указала на ближайшую сопку Содон, ту самую, о которой я уже рассказывала. Со стороны стоянки ее южный склон смотрелся каменистым, а северный весь оброс лесом.

– Овец погонишь строго по пограничной зоне. Как доберетесь до макушки, так сразу назад, потому что дальше будет обрыв. На этой, восточной стороне, всегда растет хорошая трава и много земляники. Набери мне немного ягод.

Сноха повесила мне на шею березовый туесок с крышкой. К краю туеска была пришита небольшая пуговица на ножке, а к ней приделана петля. При наклоне из такого туеска ни одна ягода не выпадет.

Схватив чабанскую плетку, я погнала овец к сопке. Вскоре по самую грудь промокла от росы. И об этом меня предупредила сноха – сказала: обсохнешь сразу, как только взойдет солнце. Так оно и было. Поначалу все шло хорошо. У сопки трава была не такая высокая. Уткнувшись мордочками в густую предгорную траву, овцы, как и вчера, исправно исполняли единственно важное для них дело – насыщались. При этом двигались неумолимо вперед, как танки (видела такие в кино в сельском клубе).

Взглянув в сторону стоянки, я увидела как на ладони нашу юрту, овечий загон, сноху, управляющуюся по хозяйству, рыжего коня и пеструю корову, пасущихся неподалеку от места стоянки. Тайгыл, по-видимому, улегшись в тени юрты, дремал.

Я принялась за сбор земляники. Она была необычайно крупная, вкусная и душистая. Быстро наполнив туесок, дала волю себе – ягодки одна за другой полетели ко мне в рот так, что я и не заметила, как овцы поднялись на самую макушку сопки. Изо всех сил бросилась к ним, чтобы они, не дай бог, не добрались до обрыва. Только добежала до овечек, как вдруг откуда ни возьмись нас окутал туман, да такой густой и плотный, что, вытянув перед собой руку, я видела лишь часть предплечья, а локоть, кисть и фаланги пальцев не просматривались. Об овцах и говорить нечего – их не видно и не слышно.

От влаги трава под ногами перестала шелестеть. Присев на корточки и одной рукой опираясь на землю, я двинулась в сторону овец, однако же их на пути не было. Странно, что площадка, по которой я передвигалась, почему-то все время

оставалась ровной, а овцы словно бы разом растаяли. Скоро я потеряла ориентир: север – юг... Мне сделалось страшно – что, если овцы направятся к обрыву... Попробовала бляеть: «Мее-мее!»

В ответ ни звука. Хотя бы какой-нибудь шорох или вздох... Но нет же – кругом предательская тишина...

Все. Я готова была расплакаться. Обхватила затылок крепко сомкнутыми пальцами обеих рук, туго-туго прижала локти к вискам... И... В этот момент прямо передо мной четко возникла морда Тайгыла, и он лизнул меня в щеку... Вскрикнув от радости, я обняла чудеснейшую на свете собаку, моего Тайгыла! Собака двинулась вперед, я за ней. Тут, как по мановению волшебной палочки, туман исчез, будто его и не было вовсе.

Овечки мирно стояли на расстоянии пяти метров от меня и жевали траву. И такая безмятежность читалась на овечьих физиономиях, что сделалось как-то неловко за тревожения.

Вечером, выслушав мой сумбурный рассказ, сноха Шанки весело рассмеялась:

– Это был не туман, а облако. Плыло себе по небу и увидело чудесную девочку, похожую на эту ягодку...

Сноха выбрала из тuesка спелую крупную землянику, покрутила ею передо мной.

– ...и решило: взгляну-ка на нее поближе. Облако зацепилось за макушку сопки, а наглядевшись, помчалось дальше.

– А Тайгыл? Как он догадался, что мне плохо, и тотчас примчался?

– Это я, как увидела на Содоне облако, поняла, каково тебе там с безмолвными тупыми овцами, и отпустила Тайгыла.

Мы, обнявшись, весело рассмеялись.

– Ой! – вдруг спохватилась веселая рассказчица. – Что я, глупая, говорю! Ты не слушай меня, Торко! Овцы вовсе не тупые, грех про них такое говорить, потому что наша жизнь держится на овцах. К тому же, если в утренних сумерках приглядеться к овце – от нее идет свет. Да-да! Я видела много раз! И ты тоже попробуй: прищурься и внимательно посмотри спозаранку на любую из овец, и точно тебе говорю – вокруг ее головы и туловища увидишь едва заметный свет.

– Правда что ли? Вот странно!

– А вот и не странно! Сама увидишь.

И я решила завтра же утром проверить слова снохи.

НОЧНОЙ ПЕРЕПОЛОХ

Среди ночи меня разбудила сноха. Сонное желтое пламя керосинки испуганно трепетало под ее ладонью.

– Торкоша, проснись, милая, да поскорее, – нетерпеливо тормозила она меня. – Надо ехать к тетушке Дьбергелей, нужна ее помощь.

Протянув мне кожаную безрукавку, она внезапно застонала и обхватила низ живота. Лицо было белое, как лист школьной тетради. Вид снохи напугал меня так, что я пулей выскочила из юрты. Зажженный фонарь освещал уже оседланного Рыжего, привязанного к коновязи, и Тайгыла, спущенного с цепи. Надо было отвязать только повод – я повернулась спиной к Рыжему, нащупала шершавую

веревку. И тут вдруг кто-то с силой, словно клещами, вцепился мне в спину, поднял вверх. Мои ноги и руки повисли плетьюми, затем острая, будто ударили ножом, боль – и я плюхнулась на землю. У меня перехватило дыхание, я поняла – это Рыжий отомстил мне за вчерашний испуг.

«Хорошо хоть сразу отпустил», – подумала, со стоном взбираясь в седло. Стоявшая в дверях юрты сноха протягивала мне коробок спичек. Она едва держалась на ногах.

– Пожалуйста, деточка милая, не потеряй спички, ты ведь знаешь, для чего они нужны?

Я молча кивнула, спрятала спички в карман безрукавки, хлестнула Рыжего по крупу, и конь вскачь понесся по долине. При каждом подскоке спину саднило. Когда я отъехала от юрты, все вокруг окутала крошечная тьма. В таких случаях надежда только на коня и собаку – и я отпустила вожжи.

Страх не было, только тревога за сноху.

А вот и «аномальное место». О нем я догадалась по характерному цокоту копыт коня. Рыжий убавил скорость. Я ждала – вот сейчас он остановится... Но нет, скоро цокот сменился гулким топотом, и стало ясно – мы снова на грунтовой дороге. Пронесло...

Тайгыл намного опередил нас и встретил возле ветхого дома. В окне горел свет. Оказалось, лай собаки нарушил чуткий сон стариков. А так как дядя еще в прошлый раз попросил их быть наготове к скорому большому событию, то мой ночной визит их не удивил.

Дядюшка Сапыш помог жене сесть в седло. Я же заблаговременно пересела на круп коня.

– В доме есть ножницы? – спросила, обращаясь ко мне, тетушка Дьергелей.

– Да, – кивнула я.

– Не беспокойтесь, и ножницы, и крепкую нить, и все, что вам будет нужно, найдете в торбе, – успокоил жену дядюшка Сапыш и подал ей кожаную торбу. – Не забудьте только прокалить ножницы, а затем остудить, – напомнил он.

– Знаю, не забуду, – ответила тетушка Дьергелей и тронула повод. – Кайракоон баш! – сказала она тихо.

– Кайракоон баш! – сказал нам вслед дядюшка Сапыш. – Все будет хорошо, все свершится как надо, – добавил он.

РИТУАЛ СО СПИЧКОЙ

Тайгыл первым выскочил на дорогу и растаял в темноте. И вот мы снова под покровом ночи, снова доверились коню и собаке. Ехали молча. Когда цокот копыт сделался звонче, тетушка Дьергелей что-то зашептала про себя. Это была молитва. Однако же конь встал. Тайгыл отчаянно залаял.

Подергав узду туда-сюда, тетушка Дьергелей обернулась ко мне:

– Спички есть?

– Есть! – с готовностью ответила я.

– Слезь с коня, – строгим голосом велела тетушка Дьергелей, – зажги спичку и обведи ею передние ноги коня.

Она помогла мне спуститься, я зажгла спичку и горящим пламенем обвела передние ноги Рыжего по отдельности.

– Чу, чу, – снова скомандовала всадница, и на этот раз конь легко тронулся с места.

– Иди рядом, не бойся! – сказала тетушка Дьбергелей.

Я пошла рядом. Тайгыл то оказывался с нами, то уносился вперед. Так мы дошли до грунтовой дороги. Теперь тетушка Дьбергелей помогла мне взобраться на коня.

– Смелая растешь! – похвалила она меня.

СОН С ОБЦАМИ

Когда мы подъезжали к стоянке, сзади нас послышался глухой цокот копыт.

– Таай едет! – обрадовалась я.

– Тихо, не кричи! – с тревогой в голосе оборвала меня моя спутница. – И не вздумай вслух назвать чье-либо имя. В айдын аразы – ночь перед новолунием вообще надо помалкивать.

Я согласно кивнула – моя наана часто упоминала эту приметку.

– Летите как ветер, еле догнал! – пошутил дядя, обгоняя нас на темном, словно ночь, вороном коне.

Шея и круп коня сверкнули под слабым светом чабанского фонаря, предусмотрительно закрепленного на коновязи снохой Шанкы.

Дядя быстро подъехал к юрте и, соскочив с седла, вбежал в полуоткрытую дверь. Он был уже без повязки на щеке. Тетушка Дьбергелей первой сошла с коня и привязала его к коновязи. Я ловко соскользнула на землю и сразу побежала в юрту.

Ярко горел огонь очага. Дядя снял с очага кипящий чайник.

Сноха Шанкы стояла на коленях у изголовья супружеской кровати и одной рукой держалась за шест на торе. Я обратила внимание, что за ее спиной большой сундук был раскрыт, также были настежь раскрыты дверцы шкафа для посуды.

– Золотце, тебе нельзя сюда, – слабо улыбнулась сноха и махнула рукой, чтобы я вышла.

Меня поразила ее улыбка – будто она в чем-то была виновата. В настежь открытую дверь с фонарем и торбой в руке вошла величественная, как гора, тетушка Дьбергелей и первым делом спросила:

– В доме есть кипяченая вода?

Дядя согласно кивнул.

– Ну, что случилось с нашей козочкой? Дай-ка на тебя взглянуть, – ласково заговорила старая женщина и жестом показала, чтобы мы с дядей вышли. – Справимся сами! – уверенно сказала она и поставила фонарь у изножья кровати.

Мне страсть как хотелось посмотреть на тетушку Дьбергелей, на то, как она, из маленького флакончика сбрызнув сноху чудодейственной жидкостью и тем самым усыпив ее, прокаленными и остуженными ножницами разрежет ей живот и вытащит оттуда ребеночка.

Так, считала я, рождаются дети.

Ощупью стала я искать хотя бы малюсенькую щелку в стенах юрты, но все было напрасно: юрта новая, а у двери стоит дядя и курит папиросу. Об этом можно было догадаться по малюсенькому огоньку, то вспыхивающему, то потухающему в его руке.

Я взглянула вверх и ахнула: звезды сияли и перемигивались так близко, что казалось – им тоже интересно посмотреть на нашу ночную суматоху.

Тут я почувствовала саднящую боль в спине. Пошла к Тайгылу. Свернувшись колючком, он спал или делал вид, что спит... Ночью в горах холодно. Я легла рядом с псом, но согреться никак не могла, так как тепло шло только с одной стороны. К тому же спину саднило все сильнее. Не зная, что с этим делать, пошла к овцам. Ощупью перелезла через изгородь и улеглась между овечьими спинами. Скоро теплая дурманная волна бараньего запаха мягко обволокла все мое тело, и я провалилась в сон...

ОВЕЧИЙ СВЕТ

Проснулась я от какого-то резкого визга. Смотрю – вокруг одни бараньи головы и спины, расплываются мягко в утренних сумерках. Светало. Поначалу удивилась – что случилось? Почему я здесь? Потом вспомнила вчерашний вечер... Да, а что там со снохой – вытащили ее ребеночка или нет?!

Однако же было тихо. Я вспомнила слова снохи о том, что перед рассветом от овец идет свет. Надо проверить. Прищурила глаза и вгляделась в ближайшую овечью спину. Ух ты, точно! От овцы шел еле различимый пар. Он вибрировал и тут же таял. Я переключила прищур на других овец. Да! Так и есть – от овец, от тех, что были вблизи меня, исходил едва различимый свет! Вот это да! Я приникла к овце, служившей мне подушкой, положила руку ей на грудь, пошарила, чтобы найти местоположение сердца и ясно почувствовала, как под моей ладонью тихо и прилежно бьется овечье сердце: «Тук-тук. Тук-тук». Вскрикнув от радости, сильнее приникла к моей бессловесной подруге – у нее все, как у людей! Насыщается травой и пьет воду – это ее работа, ночью спит – ее отдых. А самая трудная для нее работа совершается зимой: в самую стужу овцы производят на свет очаровательно милых, беспомощных ягнят. Чтобы, не дай бог, детеныши не замерзли, взрослые люди не спят ночами, дежурят по очереди и, как только ягненок родится, его вносят в теплое помещение.

Опытные чабаны по первому ягненку могут угадать, каким будет год. Мой дядя считает себя пока что новичком – прошел всего год, как они со снохой приняли теперешнюю отару. А я думаю, они уже все-все знают про повадки овец. И особенно про то, что четвертым прирученным домашним животным была овца. Когда человек ее поймал, она сказала: «Когда ягнята мои подрастут, пищей тебе буду. Если обеднеешь, выщипав мою шерсть, одежду себе справь. Упадешь – хвост свой постелю. Родственник к тебе придет – буду мясом для одного обеда. Поедешь в дальнюю дорогу – буду тебе припасом». Вот такая редчайшая самоотверженность – как после этого овцу не любить!

РОЖДЕНИЕ ЗВЕЗДЫ

Вдруг отчетливо раздался громкий визг, затем плач, такой странный, незнакомый. Следом залаял Тайгыл. Потом грянул ружейный выстрел. Я подняла голову и увидела неподалеку от юрты дядю. Он перезаряжал ружье. Тайгыл крутился рядом, готовый к любой команде.

«Это же плач ребенка!» – обрадовалась я.

Тотчас снова грянул выстрел, потом еще один – так дядя отгонял злых духов и одновременно приветствовал будущего воина.

Вожак и несколько овец, вскинув вверх головы, лениво водили ими влево-вправо.

Победоносно размахивая над головой ружьем, дядя побежал к юрте. Я вскочила, чтобы бежать следом, но пришлось перебираться по спинам баранов – так они плотно лежали.

– Вот он, твоя звездочка – долгожданный сыночек! Появился как раз на новую луну, в предрассветный час – будет долгожителем! – лучезарно улыбаясь, тетушка Дьргелей бережно положила на дядины руки маленький сверток. – Смотри, не урони! – шутливо погрозила она пальцем.

Дядя с благодарностью кивнул повитухе и воззрился в личико новорожденного.

– Весь в меня! – весело изрек дядя.

Я нетерпеливо крутилась возле дяди, хотелось поскорее увидеть, какие же они бывают, новорожденные? Насмотревшись сам, дядя наконец дал посмотреть и мне. Я прямо-таки оторопела: личико ребеночка было такое крошечное, сморщенное, некрасивое и совсем не похожее на моего красивого дядю...

– Баш болзын! – громко воскликнула я, чтобы скрыть испуг.

– Баш болзын! – отозвались все в доме.

– Понравился братик? – спросила, по-прежнему сияя улыбкой, тетушка Дьргелей.

– Да, – выдавила я из себя через силу и с искренним сочувствием посмотрела на сноху Шанкы. Она лежала на кровати, укрытая одеялом, и тоже со всеми вместе безмятежно улыбалась...

Точно так, должно быть, улыбалась в этот празднично-торжественный час небожительница – богиня Умай-Эне, находящаяся невидимо рядом с младенцем. Ведь это она, живущая на Сурун-Туу-игрище, по повелению Кёк-Тенери сняла со священной березы суус – эманацию ребенка-мальчика в виде серебряной светящейся звездочки, омыла в воде Сют-Кёл – Молочного озера, из небесных пределов явилась в Срединный мир и опустила в тундук семьи рода кёгёл-майман драгоценный дар... Под небесной защитой Умай-Эне младенец будет находиться до тех пор, пока не научится твердо ходить по земле и свободно общаться с окружающим миром. О присутствии богини узнают по улыбке ребенка во время сна: «Это Умай-Эне расчесывает ресницы нашему дитя, – радуются в таких случаях родители, – чтобы, когда вырастет, умел различить правду и ложь, душой и разумом тянулся к праведным поступкам».

Под конец тетушка Дьргелей, а с этого дня почтенная кин-эне – пуповинная мать, вымыла руки в воде с арчыном, воскурила ветку арчына и старательно обвела ею вокруг себя, после положила на свои ладони, наперевес, полутораметровую белую ткань. Этот акт очищения символизировал появление нового человека вместе с каплей крови. Если этого не сделать, то на том свете кин-эне придется отвечать перед судом, там ее по всей строгости спросят: «Чья эта кровь осталась не смытой с твоих рук, кин-эне?» [7]

Но с тетушкой Дьргелей такого не случится, она соблюла все предосторожности, а потому будет усажена на золотой трон как первая помощница в божьем деле, с золотой посуды будет вкушать вкуснейшие яства, а в перерыве между едой ей доведется держать беседу с самим Господом Богом.

В народе говорят, что подобная милость оказывается еще одной части человечества – врачам, в особенности – хирургам и акушерам.

РАНЕНЬИЙ ЛЕБЕДЬ

Наутро дядя отправился пасти овец, а мне нужно было доставить тетушку Дьергелей к ней домой. К полудню, снабдив сноху всевозможными инструкциями по уходу за первенцем, тетушка воссела на Рыжего.

По дороге она неожиданно запела. В песне говорилось о том, что хоть в летнюю пору, хоть в зимнюю стужу ступать по родной земле – невыразимо хорошо и сладостно... Голос у неё был негромкий, но очень красивый. Я различала каждое слово.

– Спойте еще, многоуважаемая кин-эне, пуповинная мама моему двоюродному братишке, – попросила я, когда она замолчала.

Моя просьба развеселила кин-эне.

– Ишь, какая шустрая! – прокомментировала она и продолжила: – У меня много песен, пожалуй, одну спою. Ты ее запомни.

Я слушала, как никогда, внимательно, затаив дыхание, понимала: кин-эне зря не попросит запомнить ее песню. Песня была необычайно печальной, вызывала слезы, но одновременно давала надежду. Однако же я не смогла запомнить чудесную песню прямо так, с ходу.

...Позже, уже взрослой, с неизменным душевным трепетом листая книжечку стихов своей младшей сестры по роду, Гюзели Элемовой, ныне жительницы Горно-Алтайска, нахожу в ней следующие строки:

Если сердце однажды сожмется от боли и горя,
Если жизнь покажется не дороже клубка овчинной пряжи,
Не покоряйся судьбе,
Не играй со смертью,
И людей в той беде не вини.

Подобно раненому лебедю, скрыв рану в крыле,
Воспарь высоко в глубь небес.
Не спускайся на землю,
Не выказывай боль никому,
Знай, Время затянет рану...

Да, именно так – и юная Гюзель, получившая литературное образование в Москве, и тетушка Дьергелей, в жизни не державшая ручку, кроме как для того, чтобы поставить загогулину-подпись, – они обе, представительницы двух разных поколений Урскульской долины, знали и умели сказать ко времени и к месту единственно нужное, точное, врачующее душу Слово.

ТРАВЯНОЙ ЧАЙ

Действительно, силу песни еще никто не отменял: мы и не заметили, как за песнями и разговорами благополучно проехали ургакту дьер, непредсказуемое и загадочное место...

Дядюшка Сапыш сидел на завалинке и курил трубку.

– Все ли благополучно в доме у Кючлюка? – первым делом поинтересовался хозяин жилища, принимая из рук жены повод.

– Да! – важно отозвалась кин-эне. – На свет появился продолжатель рода кёгёл-майман, лицом – вылитый Кючлюк!

– Эх, хорошо! – дядюшка Сапыш помог жене сойти с коня. – Теперь вы – многоуважаемая и почитаемая кин-эне рода кёгёл-майман?! Ай, да моя жена! Ай, да молодец! А я, выходит, кин-ада – пуповинный отец!

Кин-ада, слегка пританцовывая на хромой ноге, принял из рук жены тяжелую кожаную торбу и сделал вид, что не может поднять ее.

– Похоже, вы уже набрались! – возмутилась старая женщина.

– А вы, дорогая, так ловко припрятали тажуур, что пришлось обшарить весь дом.

Кин-ада подкинул в воздух булькающий кожаный сосуд.

– Торко-Чачак, зайди в дом, попей с нами травяного чаю. Он уже готов, по запаху слышу, – пригласила кин-эне и отворила дверь.

Из комнат дохнул сложный букет запаха душицы, смородины и еще нескольких трав. Я, хоть и торопилась домой (мало ли какая помощь понадобится), осталась попить чаю. В нашем народе существовало поверье – от предложенного утреннего чая, сколь бы ни спешил, нельзя отказываться.

В доме, в двух комнатах, разместилась самая необходимая мебель: две кровати, этажерка, обеденный стол, комод, три табуретки и скамья.

Над столом между окнами висели две большие фотографии молодых мужчин в пилотках и гимнастерках. Эти лица я помню до сих пор – легкая, беспечная радость, казалось, перетекала с фотографий в окружающее пространство... Очень красивые люди...

– Сыновья... – сказала кин-эне.

Я молча кивнула.

Душистый травяной чай, приправленный свежим каймаком, да еще вприкуску с комковым сахаром, был необычайно вкусен.

Чаевничали молча.

Я выпила две чашки. Так положено. «Есть день, и есть ночь. Есть утро, и есть вечер. Дыхание всего живого состоит из вдоха и выдоха. Все самое важное в мире имеет пару. Один-единственный глоток чаю нарушает порядок, нужно обязательно сделать два, соблюсти природный цикл, а дальше можно не считать». Это из тех же бабушкиных поверий. То же касается и чарочки вина: поднеся напиток ко рту, непременно делаешь пару глотков. Если алкоголь противопоказан, то пара глотков все равно имитируется.

Но вот выпита вторая чашка чая. Когда, поблагодарив хозяев, я собралась встать из-за стола, кин-эне, вдруг ухватив мою руку, потянула ее к себе.

– Торко-Чачак, – сказала она дрогнувшим голосом. – Остаься в нашем доме... Без детей наш дом мертвый... Будь нам дочерью...

От неожиданности я замерла на месте. В доме сделалось тихо.

– А кто будет моей наане дочерью? – выдавила я наконец.

– У Биле уже есть внучок и внучки. И еще, Бог даст, будут.

Снова тягостная пауза.

– Ну что же вы, старая женщина, растревожили сердечко маленькой девочки, – вступил в разговор дядюшка Сапыш, а с сегодняшнего дня – кин-ада.

Я заторопилась, легонько отстранила руку кин-эне.

– Поеду, меня заждались дома.

– Да, деточка, тебя ждут, обязательно ждут, – подтвердил кин-ада, и хозяйева поднялись вслед за мной.

На прощанье кин-эне снова взяла мою руку в свои. Она хотела поймать мой взгляд, а я старательно его отводила. И все же попрощалась с обоими хозяевами за руку. Наш разговор так и остался моей тайной, моей и еще двух добрых, одиноких, старых людей. С того времени прошло чуть больше полувека. Дядюшка Сапыш и тетушка Дьергелей уже давно на небесах, в обители предков и, вне всякого сомнения, утешены встречей с бесценными сыновьями...

МОЯ МАМА

В обратный путь я отправилась шагом – Рыжий казался уставшим. К тому же я для него – лицо новое, со странностями, нужно время, чтобы привыкнуть. Тайгыл то уносился вперед, то возвращался назад. Под размеренные шаги коня хорошо думалось. Я думала о маме, моей бедной-бедной маме.

Мама начала трудовую жизнь в качестве учительницы начальной школы в селе Эзендик, затем работала в большом селении Абай, а позже – в Банном. Я совсем не помню эзендикский период, зато отчетливо помню Абай – тот день, когда все мамы ученики собрались перед зданием школы, словно на праздник.

Еще бы – ведь приехал фотограф из самого города Томска. Он здесь, потому что вместе с мамой обучался на учительских курсах. Ловко укрыв черным покрывалом маленький черный ящик на длинных тонких ножках, то прятался под него, то выныривал обратно. Рассаживал всех, как ему нужно, шутил, смеялся и говорил, что вот сейчас из этого аппарата вылетит птичка. С ящика на меня смотрел большой таинственный блестящий черный глаз. Потом что-то щелкнуло, глаз моргнул, над головой фотографа возникло облачко дыма и растаяло. Такое вот сказочное действо...

Фотография та сохранилась. Редкая, чудесная память далекого времени. Ученики у мамы все разного возраста: начиная с семилетних малышей до юношей и девушек неопределенных лет. Типичная картина первых послевоенных лет в далеком горном селении на окраине Страны советов, где была объявлена всеобщая ликвидация безграмотности.

Каждый постарался одеться как можно лучше. Суматоха была большая. Мама посадила меня к себе на колени. На мне алтайская шапка с кисточкой и пальто с крупными пуговицами по моде того времени. И пальто, и шапку мама сшила на швейной машинке. Она все в доме шила сама, и свое черное драповое пальто, что на фотографии, тоже. Помню, фотограф все время поправлял кисточку на моей шапке...

И вот однажды морозной февральской ночью с незаживающей раной под крылом мама поднялась в небо и больше не вернулась: не смогла одолеть жестокую болезнь... Не нашла в себе силы вырваться из ее силков... Навсегда покинула двух своих птенцов-подранков...

Мне тогда было семь лет, а братишке Толику четыре с половиной... И была беспредельная боль... От одной только мысли, что Ее нет, и никогда не будет – горький солоноватый ком подкатывал к горлу в течение долгого-долгого времени... Ни с бабушкой, ни с кем более я не обсуждала эту тему. Это было мое табу.

И только в 38 лет впервые я смогла заговорить о маме с мужчиной. Моим отцом. Но это другой разговор, долгий и непростой.

ЭКСПЕРИМЕНТ

Солнце уже склонилось к закату, когда под копытами Рыжего заскрипел щепень. Я заранее вытащила спички и побренчала ими, а после запела что-то из школьного репертуара. Громко и напористо. Конь пошевелил ушами, потоптался на месте и прошел опасное место – тургакту дьер. Мне представилась картина: духи в виде черного клубочка дыма потянулись из всех расщелин, чтобы обвиться вокруг ног Рыжего. Однако услышав брэнчание спички и мое истошное пение, устрашились и рассыпались в разные стороны.

Вот так. Я стеганула плеткой по крупу коня – если запоздаю, дома будут волноваться.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗАРЯ

Со времени прибытия на чабанскую стоянку я еще не видела по-настоящему утреннюю зарю, зато сейчас увидела вечернюю во всей ее красе, во всех красках. От удивления натянула поводок. Что я, даже Тайгыл оторопело сел и смотрел перед собой! Только Рыжему, казалось, было все безразлично.

Как, какими эпитетами возможно описать увиденное? Общий контур ландшафта вроде бы прежний, но откуда взялся этот красно-багряный отсвет, словно громадный фантастический зверь, мягко и плавно ползущий по горному хребту... Эти иссиня-фиолетовые тени в ущельях, тоже живые... А маленькие тесные лощины и поляны – над ними мерцал и вибрировал воздух... Плыл, таял и рассыпался множеством мельчайших искр, словно слетелись сюда разом Золотые Духи Алтая и играли в свои особые игры...

Через мгновение чудо закончилось, все вокруг сделалось иссера-голубым, а после и вовсе серым... Будто закрылся волшебный занавес... Будто завладел он детским сердцем и запер его золотым ключом на веки веков...

Горные вершины, скалы, реки –
 В цвете фантастической окраски...
 Слиты воедино здесь навеки
 Люди и языческие сказки...
 (Алексей Куладжи)

КАЙ

Когда наконец я прибыла на стоянку, овцы уже отдохали в загоне. Из юрты доносился какой-то странный ритмичный гортанный звук. Я прислушалась. Похоже на то, как если бы журчала вода, пела гора, деревья и ветер шумели одновременно. Ничего подобного я раньше не слышала. Войдя в юрту, увидела на почетном гостевом месте пожилого мужчину, поющего под аккомпанемент топшуура. (Считается, что топшуур – священный инструмент, потому что перво-му кайчи его подарил Дух Алтая.)

Дядя сидел на обычном своем месте рядом с гостем, приковавшим полностью его внимание. Младенец спал на родительской кровати. Сноха Шанкы жестом подозвала меня к себе, подала чашку с чаем. Мне не хотелось отвлекаться на чай, поэтому, оставив чашку у очага, я прошла к столику и села слушать странное пение.

Поначалу я не могла разобрать слов, но потом, старательно вслушавшись, стала улавливать смысл: «...Люди Караты-Каана сломали бедному сироте – пастуху Малчы-Мергену ногу и бросили одного в лесу. Малчы-Мерген горько сетует на судьбу... В это время мимо, прихрамывая, прошла раненая в ногу элик – косуля и в десяти шагах от него нашла какую-то траву, пощипала ее, потом выпила из аржана – целебного источника воду, выздоровела и ускакала.

Малчы-Мерген решил испробовать удивительную траву. С трудом дополз до заветного растения, сорвал, пожевал, после испил из аржана воду и выздоровел так, что стал лучше и краше прежнего...»

Как это замечательно, как хорошо и правильно!

Далее последовали одна за другой истории о подвигах Малчы-Мергена. В какой-то момент, когда начала иссякать сила батыра, он вспомнил, что у каждого человека «есть свое Синее Небо – Кёк-Тенери, своя земля – Лунно-Солнечный Алтай.

– Пришло время, когда мой враг умертвит меня, несчастного сироту, – сказал он, вскинул к небу руки и восхвалил царство Кёк-Тенери, взглянул вперед и восхвалил Родную Землю – Дьер-Суу.

И тогда сгустились черные облака на небесах, и пошел снег, да такой густой, что враг вскоре перестал быть виден, а сам он стал невидим...»

Наверное, еще долго продолжался кай (а это так и было), но я его до конца не дослушала – уснула. Позже Шанкы сказала мне, что эпическое сказание «Малчи-Мерген» в старину исполняли в течение нескольких вечеров подряд. И что в такие моменты обязательно является Дух Алтая и слушает исполнение кая.

Вот почему, став старше и вспоминая свой первый в жизни кай, я непременно представляла себе трехъярусную картину, в которой на первом, переднем плане действуют персонажи сказочного алтайского эпоса, дальше за ними располагается Тейчин-ака и мы, его слушатели, включая моего двоюродного братика, а над всеми нами простирается величественная фигура старца – Хозяина Алтая, с жадным вниманием вслушивающегося в звуки и слова чудного кая.

Алтайцы считают, что Дух Алтая перед людьми предстает в виде юной девушки или белобородого старца. Иногда может показаться в виде птицы, лесного зверя или даже муравья, если пожелает. Ведь «Дух веет везде» и может принять образ всего, что есть на белом свете. Однако же являет себя человеку исключительно со стороны восхода. Только в этом случае встреченные на пути зверь или птица могут быть восприняты как Дух.

Точно так обстоит дело на целебных источниках-аржанах: Хозяйка родника неизменно появляется со стороны истока с восточной стороны. Поэтому людям не разрешается ходить у «изголовья» аржана. И кыйра повязывают на ритуальное дерево, стоя лицом к востоку, – там, на той сакральной стороне, находится невидимый Дух.

По рассказам стариков, Дух Алтая и вся многочисленная иерархия духов – большие знатоки и любители эпических сказаний, сказок и песен. Поэтому со-

вместное пение на празднествах, как считалось, должно доставить удовольствие сверхъестественным силам.

Существовал ряд табу. Пение должно начинаться с определенной песни. Заводит песню тот, кто знает все слова. Недопустимо делать это тому, кто не сможет спеть песню до конца – это обидит духов-хозяев. При этом строгие правила и требования в устном творчестве неукоснительно соблюдались, иначе распадется цельная система. Даже при наличии многовариантности текстов эпоса или сказки в них в обязательном порядке должно быть сохранено центральное ядро.

Нельзя также петь просто так, без всякой причины. На все есть ырым – повод, знак, примета. Всему свое время и место, в том числе и пению.

У хакасского народа сохранилась притча, которую я слышала в 1970 году от актеров театра: «В старину перед началом кая перед сказителем ставили пустой казан. В него ситом просеивали золу так, чтобы образовалась идеально ровная поверхность. Затем казан аккуратно покрывался легкой белой тканью. Сказитель начинал пение. Не тронутый никем казан стоял строго в середине между сказителем и публикой. Когда пение заканчивалось, осторожно, не дыша снимали белую ткань с казана. И тогда люди с удивлением могли видеть легчайшие узоры на ровной поверхности золы – знаки Духа».

Если в кае или сказке забудется имя того или иного персонажа, то этой причины достаточно, чтобы отказаться от исполнения. Но если, зная сказку, кто-то отказывается от рассказа – тому несдобровать, духи могут наказать.

Упоминание одного такого обычая, облаченного в форму сказки, я нашла в трехтомнике «Казахские народные сказки» [8]. Она так и начинается: «Зная сказки, не утаивай их».

«Поехал жених с друзьями к своей невесте. По обычаю, в эту ночь все должны были рассказывать сказки друг другу. Наступил вечер. Друзья жениха, невеста и ее сестра рассказывали сказки. Пришла очередь жениха: он отказался, отговариваясь незнанием сказок. Ему не хотелось терять из-за сказок весеннюю ночь, и без того короткую, – хотелось скорее остаться наедине с невестой. Удивились гости. Недовольны были и родители, и сестра невесты.

Легли спать. Жених остался с невестой. Не спалось сестре невесты. Ей хотелось послушать сказки, которые рассказывает, как она полагала, теперь жених своей невесте. Она стала подкрадываться к юрте, где находились молодые. Вдруг видит: с двух сторон к этой же юрте приближаются два привидения. Они были сердиты на жениха и стоворились наказать его за то, что он не стал рассказывать сказки».

Далее говорится, что, когда молодые отправились в обратный путь, призрак-сказка о насекомых хотел превратить жениха в насекомое. А второй, призрак-сказка об оружии, хотел сделать из него нож. Но, к счастью, ужасным намерениям рассерженных привидений противостояла сестренка невесты – умело развеяла планы потусторонних сил, спасла будущего зятя от печальной участи.

ЭРКЕШ

– Торко-Чачак, солнышко, пора вставать! – донесся до меня голос снохи Шанкы.

Мне совсем не хотелось вставать. К тому же болела спина. Я зарылась глубже под одеяло.

– Не хочу! – подала я голос.

– Торко-о, вставай, пора выгонять овец!

– Не хочу! Пусть дядя сам пасет своих овец!

– Ты что? Ай-ай-ай! Всего два дня поработала и уже ленишься!

– Бабушка велела сразу же возвращаться домой, если будет тяжело.

– Вот так да! Торко, вот это новость! Ты это серьезно?

Сноха Шанкы попыталась откинуть одеяло и посмотреть мне в глаза.

– Тебе правда тяжело?

– У меня болит спина – Рыжий укусил.

– Что-о-о?!

От ее громкого возгласа проснулся ребенок. Взяв ребенка на руки и баюкая его, сноха подошла к моей постели.

– Торко, не придурайся!

– Правду говорю! Он меня позавчера укусил за то, что я в лесу его страшно напугала.

– А ну-ка, дай посмотреть.

Я показала. Сноха охнула, пощупала больное место, потом, ничего не говоря, вышла из юрты. Вернулась с дядей и вчерашним гостем. Взрослые осмотрели меня, попросили согнуться – вперед, назад, влево, вправо. Я все выполнила. Дядя дал чашку чая. Я выпила.

– Не тошнит? – спросил.

– Нет.

– Голова не кружится?

– Нет.

– Ее спасла кожаная безрукавка, – предположила сноха.

Осмотрели безрукавку.

– Да, действительно, вот они, следы зубов. Крепко же ты Рыжего разозлила, – удивился дядя. – Это большая редкость, чтобы конь кусал ребенка.

– Бывает.. – сказал молчавший до сих пор гость. – А синяк к свадьбе расосется.

Все, кроме меня, улыбались.

– Хочешь поехать на таскыл? Вот Тейчин-ака согласился свезти тебя, а вечером привезет назад, – подмигнул мне весело дядя.

– Ура-а-а!

Я от радости повисла на дяде.

– Тогда собирайся. Оденься теплее. Там холодно, как на Северном полюсе.

Дядя с Тейчин-ака вышли на улицу. Схватив со стола краюху хлеба и прихватив теплую куртку, я поспешила им вслед.

– А с Эркешем ты не хочешь попрощаться? – остановила меня сноха Шанкы.

– С Эркешем?..

Я усиленно соображала.

– А-а, у моего племянника уже есть имя! – догадалась я наконец и подбежала к кровати. – Эркеш! Ласковый, значит. У тебя особенное имя. Это имя придумал Тейчин-ака, да?

Сноха весело рассмеялась, что означало «да», и, расстегнув ворот платья, приложила сыночка к груди. И Эркешка, этот малюсенький человечек, как только

материнская грудь коснулась его губ, как по команде раскрыл крошечный ротик, схватил сосок и замер.

– Такой сладкий! – чмокнув кроху в лобик, я выбежала на улицу.

ТРИ БЫРКАНА

Дорога на таскыл сильно отличалась от всего, что я видела раньше. Мы всё время ехали в гору. Чтобы не съехать с крупа коня, крепко держалась за задний край кавалерийского седла. Такое седло было большой редкостью у наших сельчан, но у Тёйчин-ака и у моего дяди они имелись.

Пальцы мои от напряжения одеревенели, однако я не подавала виду.

Здесь по ложбинам еще лежал прошлогодний снег, а на солнцепеке только начал цвести кандык – горный цикламен, и местами яркими пятнами горели огоньки.

Любой цветок, даже самый неказистый, прекрасен по-своему, и невозможно, да и не нужно отдавать предпочтение тому или другому. И все же в сознании алтайцев кандык занимает особое место: в голодные годы клубни этого растения спасли многих людей от смерти. «Быйанду чечек – благородный цветок» – так называла его моя бабушка. А моя подруга, художник Дьяжый Тогочоева, как только ранним летом выбиралась на верховья Каярлыка, писала с них этюды.

Еще будучи студенткой Новосибирского архитектурного института, выставляя на курсовом экзамене свои «Кандыки», написанные акварелью, она озвучила: «Национальный цветок алтайцев». Кто возразит, что это не так? Растет в высокогорье, его не бывает много, розовато-малиновый окрас хрупких лепестков и плавный, горделивый изгиб стеблей, что не поддается описанию – настолько он пластичен и выразителен. А клубни? С белой мякотью со сладковатым вкусом, сочные и питательные, их можно есть сырыми, варить и парить в молоке, печь в золе, в сушеном виде, размолот в порошок, можно использовать для варки каши, сладких и даже горячительных напитков – кому как нравится.

Внизу, в глубине ущелья, звонко журчала речушка. Ее изгибы напоминали длинную голубую ленту.

– Талду, – пояснил Тёйчин-ака, – здесь она берет свое начало, а вливается в реку Урсул. В свою очередь, Урсул вливается в Катунь, а Катунь, слившись с Бией, образует могучую реку Обь. А конечным пунктом Оби является Северный Ледовитый океан. Вот и получается, что река, как человек, – да точно, прямо совсем как человек, – спешит, трепещет, вся в нетерпении, торопится влиться в большой океан и в конце концов обязательно достигнет своей цели. У людей, выходит, таким океаном является жизнь.

Всё сказанное про реки и океан для меня было большой новостью, и про людей тоже понравилось. К тому времени я уже понимала, что у каждого человека имеется своя цель в жизни, большая мечта. Сразу возникло множество вопросов, но, по обыкновению, от расспросов воздержалась. Додумаю позже, решила.

И вот тут неожиданно, прямо как по волшебству, перед нами из-за косогора показались три белых коня. Тёйчин-ака туго натянул поводья. Белые кони тоже остановились и, будто с удивлением, посмотрели на нас.

– Три Быркана! Баш болзын! – взволнованно выдохнул мой проводник, спешно сошел с коня, снял шапку и, преклонив колено, с поклоном провел рукой по голове.

Тут три белых коня разом рванули с места, помчались по краю косогора и скоро скрылись из виду.

Однако мой проводник не спешил снова забраться в седло. Он подвел вороного к самому краю каменистого обрыва, чтобы еще раз обозреть трех бырканов.

И действительно, чудная тройца вновь оказалась в поле зрения – кони неспешно обогнули кустарниковую лощину, перешли речушку Талду и скрылись под кроной ближайших деревьев.

Тейчин-ака глубоко вздохнул и как-то странно тряхнул головой. Мы продолжили путь. До самого таскыла он больше не проронил ни слова. А мне так хотелось поговорить, расспросить – что означает его возглас: «Три Быркана!»

Дело в том, что слово «Быркан» я уже слышала в разговорах старших и знала, что это одно из имен Бога. Но три белых коня – почему они названы «Бырканами»?.. Однако я знала, любые расспросы сейчас будут преждевременны, немедленного ответа на них не получу.

Так и случилось. Только глубокой зимой Тейчин-ака появился на ферме у бабушки во время моих школьных каникул. Рассказал о трех белых конях – трех Бырканах – одном из олицетворений Бога и добавил: «За свои семьдесят лет мне ни разу не доводилось видеть сразу вместе трех белых коней, появившихся с востока, а вот внучке твоей Он явил себя...»

ТАСКЫЛ

Таскыл – это огромная, широкая равнина на вершине горы, сплошь поросшая невысокой травой. По пути изредка попадаются малорослые кусты. Кое-где виднеются редкие, чахлые деревья – лиственница и береза, растущие не вверх, а вкось, словно бы стелясь по земле. По краям этого великолепного природного аэродрома, там, где-то очень далеко, сверкают макушки снежных пиков.

И ветер!

Здесь он царствовал!

Он продувал насквозь!

Мощным гулом летел над равниной!

Трава, словно морской прибой, волнистой рябью стелилась под ритмичным гулом ветра.

– Баш болзын! Это же кай! – воскликнула я.

Тейчин-ака повернул ко мне голову, одобрительно кивнул, потом рукояткой кнутовища указал в противоположную сторону:

– Дальше, вон на той стороне, будет спуск. Там конеферма. Но мы туда не поедем. Даже доехать не успеем, окоченеем.

Шум ветра заглушал его голос, но я всё-таки смогла услышать важное:

– Этот таскыл – самый высокий в наших горах.

– Самый-самый высокий?.. И выше него ничего больше нет?

– Выше только Кадын-бажы – вершина Белухи и Синее Небо, – ответил мой персональный гид и повернул коня назад.

Да, следует сказать и о том, что перед подъемом на таскыл Тейчин-ака повелел мне также привязать на ветку придорожной березы белую ленту-кыйра и загадать заветное желание.

Позже, уже в зрелом возрасте, мне открылось, что белый цвет кыйра в сочетании с алкышами-молитвами, подобно горящей свече в православной церкви, служит средством общения с высокими энергиями невидимого мира.

В тот день я впервые услышала слова дорожного алкыша, который знаком и дорог каждому алтайцу:

Перевалу Золотоспинного Алтая – баш болзын!
 Переправе вращаясь текущего Моря – баш болзын!
 Перевалу Сереброспинного Алтая – баш болзын!
 Переправе мерцающая текущего Моря – баш болзын!

«МУМУ»

Все последующие дни с овцами на пастбище выходила я одна. Эрельдей не возвращался, а у дяди было много разных дел по хозяйству, и первое из них – подготовить овечью кошару к зимовке. Она находилась в пятнадцати верстах от нашей стоянки. Еще нужно было съездить в районный центр, оформить документы на Эркеша.

В один из дней, прибираясь по дому, сноха Шанкы нашла под обеденным столиком тонкую книжечку в мягком переплете, забытую Эрельдеем. На обложке у верхнего поля было написано: «И. С. Тургенев», а ниже крупными буквами: «МУМУ». На некоторых листах попадались черно-белые картинки.

Я уже знала, что верхняя строчка означала фамилию и инициалы автора, а нижняя была названием его произведения. Но боже мой, что за странное название, про корову, что ли? Однако в книге ни одного рисунка с коровой не обнаружилось.

Теперь, как только мои овцы становились в сонную стойку в послеполуденную жару, я принималась за чтение Тургенева. Только вот беда – буквы я хорошо знала и читала целыми предложениями, а смысл улавливала лишь местами. Когда же поднесла раскрытую книжечку Тайгылу, мол, помоги разобраться, он вначале старательно обнюхал страничку, потом сконфуженно удалился.

Эх, Тайгыл, не знаем мы с тобой русского языка, вот что! Хорошо, что сноха Шанкы родом была из большого селения, где попеременно жили русские и алтайцы.

И мой дядя, он тоже знал русский – служил в Дальневосточном морском флоте на Тихом океане, часто бывал в городе Холмске на Сахалине, какое-то время жил там, даже чуть не остался (друг звал вместе работать). Дядя говорил, что там такие же горы и холмы, такая же растительность, как на Алтае, а еще есть «море-океан, грозный и ласковый, до самого берега кишаций рыбами. Эх, остался бы там жить, да только нет там милых сердцу овечек и поющих шанкы, а без них не мыслю свою жизнь. Теперь Холмск изредка снится во сне, манит и зовет к себе, так что как-нибудь надо свозить туда свою семью».

В том краю дядя и выучился языку.

С их помощью за одно лето мной была освоена, можно сказать, половина словарного богатства «Муму». Всем сердцем я переживала за судьбу Герасима,

сердилась на Татьяну – бессловесную и робкую, ненавидела барыню и Платона, а в сцене, где глухонемой кормит в трактире Муму перед тем как утопить, плакала навзрыд: не могла взять в толк – зачем Герасиму нужно было губить собачку?! Почему не взял ее с собой в деревню?!

КОНЦЕРТ

В самом начале повествования я уже упоминала о том, что это лето для меня было знаменательным: общаясь только с овцами, собакой, конем и коровой (не считая, конечно, дяди, снохи и племянника), стала замечать в себе новые качества. Например, склонность к выдумкам. Они так и сыпались из меня. Так, от нечего делать, во время «тихого часа» моих овечек я стала устраивать концерты.

Первым делом подготавливала сценическую площадку. Для этого между двумя стволами близ стоявших лиственниц развешивала белую простыню – концертный занавес. Тайгыла – моего единственного зрителя – усаживала перед занавесом. Добилась этого путем многократной тренировки: за каждое исполнение роли зрителя давала ему из личных запасов по подушечке карамельки. Методику подсказал дядя. После того как дрессировка пошла на лад, стала давать сольный концерт: сама объявляла номер, читала стихи, пела песни, выполняла акробатические этюды (все делалось с большим воодушевлением), а на финал всегда оставляла балет – танцевала «Умиряющего лебедя» (видела этот номер в киножурнале в сельском клубе).

Должно быть, я его исполняла тоже с чувством – Тайгыл, если к этому времени не сбегал с концерта, то всякий раз кидался ко мне и бесплатным кремом-слиюной щедро обмазывал лицо.

Во время одного такого концерта, помню, случилась гроза. Недаром отара в тот день беспокойно перемещалась с одного места на другое, а двое баранов начали бодаться...

СЕМЬ ЧЕРНЫХ ОВЕЧЕК

Гроза в горах – это совсем не то, что случается в городе или же где-нибудь в равнинной местности. Все происходит неожиданно: откуда-то внезапно обрушивается невероятной силы ветер; небо со стремительной скоростью заволакивается громадными облаками; всё вокруг разом темнеет, гребни гор делаются зловеще черными, и тут же вдруг воздух над головой взрывается ослепительным светом – зигзагом, рассекающим небо надвое. И все это под аккомпанемент ужасающего грома. Кажется, что небеса прямо сейчас на этом месте расплющат тебя и все, что есть вокруг, – и ты, ни жива ни мертва, в полном оцепенении повторяешь слышанное от взрослых: «Кайракоон баш!» («Помилуй, Господи!»).

Дело в том, что в грозу категорически запрещалось бежать, особенно под дерево. Надо было сойти с лошади и, держа ее на поводу, находиться возле овец, хоть стоя, хоть сидя на земле. Если конь будет вырываться, поводок нужно отпустить.

Рыжий был просто молодец, он один оставался относительно спокойным. Тайгыл, мой славный пес, боялся грозы не меньше меня – забивался между передними ногами коня. Не лучшим образом вели себя и овцы. В первый раскат

грома, ошалев, шарахались из стороны в сторону, но не поодиночке, а группками. После сбивались в кучу, при этом головы не прятали как в жару, а наоборот – бдительно выставляли изящные мордочки поверх друг друга и в таком положении находились до конца грандиозного спектакля-триллера.

В этот день ветром унесло простыню – большую ценность по тем временам. Я видела, что потеря огорчила сноху, но – ни слова упрека. От этого сделалось на душе еще горше, острее проявилось чувство вины – и больше простыни на вынос я не таскала.

На то время, когда я приняла стадо, оно насчитывало, включая полугодовальных ягнят, 365 овец. Особенно приметными были семь черных. Когда гроза утихла, я погнала стадо домой. По моей собственной теории вероятности, если наличествовали все семь черных овец, значит, стадо цело. На этот раз все они оказались на месте, и я решила, что овцы в полном составе. Поэтому, пригнав домой, не стала пересчитывать.

Примерно на третий день после грозы дядя, внимательно приглядевшись к отдыхающим в загоне овцам, почувствовал неладное и спросил – пересчитаны или нет.

– Ну как же, – горячо ответила я, – вот же, семеро черных овец, все на месте! Сама всем видом показывала, мол, если бы хоть какая-то часть овец отстала от стада, то среди них обязательно должна оказаться одна черная овца.

Сурово покачав головой, дядя взялся пересчитывать стадо. Для этого выпускали овец из загона по одной. Насчитал он всего 353 головы. Недоставало целых 12 овец! Без слова упрека расспросил, на какой стороне я пасла овец во время грозы, показал на ближайшую поляну, куда я должна была погнать в тот день стадо, сам поехал на поиски пропавших. Ближе к вечеру пригнал ровно 12 овец и тем самым избежал сурового наказания в виде штрафа. Не найди он пропажу, пришлось бы достаточно долго работать без начисления трудовой.

Овец он обнаружил в овраге в оконечности горного кряжа – там они укрывались от полуденной жары. Нашел он и простыню. Лежала прибитой к песчаному берегу Кара-суу.

Случай этот потом долго вспоминали в семье: это же надо, каким точным глазомером обладал дядя Кючлюк, что среди трехсот пятидесяти двух овец почувствовал отсутствие двенадцати.

Что касается грозы, то позже именно она помогла мне понять знаменитое определение Пифагора, данное ученикам, «что бог указывает слушать голос элементов, и что все в природе проявляется через гармонию, ритм, порядок и действие».

ЛЮЛЬКА

Наступил день, когда нужно было смастерить Эркешу люльку.

Мы с дядей на Рыжем погнали овец в дальнюю лощину, где, словно юные девушки в хороводе, стояли молоденькие березки. Здесь мне еще не доводилось бывать. Овцы с особой охотой припали к лесному разнотравью. Дядя укоротил недоуздок Рыжему, пустил пастись. Мне он велел разжечь костер из сушняка – в любом лесу его хватает с избытком, а бабушка, та вообще считала кощунством рубить для топки живое дерево.

Найдя подходящее место для костра, я сложила пирамидкой мелкий сушняк, в самый центр поместила небольшой кусочек сухой березовой бересты и поднесла зажженную спичечку – береста мгновенно схватилась пламенем.

Дядя тем временем подготовил из сырых сучков приспособление с перекладной, навесил на него прокопченную сажой армейскую фляжку с водой прямо над костром. Дядя все делал обстоятельно, точно и красиво. Он не спешил. Мне всегда нравилось наблюдать за его действиями. Я обожала дядю. Снова вспомнились слова бабушки, сказанные прошлой зимой во время сбора сельских лесорубов в тайгу для заготовки дров: «Прибыв на место, ни в коем случае не хватайтесь сразу за топор и пилу, не спешите и не суетитесь, – напутствовала она тогда дядю и его двух молодых напарников. – Вначале разожгите костер, вскипятите чай, сделайте подношение Хозяину тайги, испросите разрешения, объясните необходимость своих действий и только потом принимайтесь за работу. Ни в коем случае не рубите одиноко стоящее дерево, у него свое предназначение».

Скоро закипела вода. Заваркой послужили цветы ветреницы, они растут повсюду. Заправив чай молоком и солью, дядя первым делом окропил им огонь, четыре стороны света, небо и землю, при этом хоть и тихо, но очень внятно прочитал молитву – алкыш божественной благодати:

– Алтай Кудай Ак-Бырган! Золотые Духи Алтая, Священная Земля-Вода, Матушка От-Эне, Пуповинная Мать Умай-Эне, Небесный Отец Синее Небо, слава и благодарение, слава и благодарение! По горам мы вашим ходим, пьем из ваших рек и озер воду, в ваших объятиях ночуем, у полы вашей расселяемся и живем: чтобы не прерывался наш род людской, давшие зародыш жизни – ребенка, давшие милость, будьте благословенны! Будьте благословенны!

Мы с дядей дважды поклонились. После небольшой паузы дядя продолжил: – Батюшка, Хозяин тайги! Услышь меня, почтенный, позволь срубить сегодня в твоём хозяйстве два молоденьких деревца, две березки для моего сына Эркеша. Он немного подрос, и уже пришла пора укладывать его в свою постель. А что для этого может быть лучше, чем твои березовые деревца, взятые на солнечной стороне твоей необъятной тайги, подальше от говорливой речушки...

Дядя говорил просто и хорошо. Вот так бы слушала и слушала его. Хотелось, чтобы он еще что-нибудь сказал, ведь мое воображение уже нарисовало картину невидимый человеческому глазу, но, по словам ясновидящих, имеющий образ старца Дух находится уже здесь, рядом с нами. Приложив невидимую длань к невидимому уху, с великим вниманием вслушивается в каждое слово, ждет продолжения...

Я выжидательно посмотрела на дядю, однако он уже провел рукой от макушки до подбородка и сказал: «Баш болзын!»

Мне ничего не оставалось, как повторить за ним эти два обязательных кодовых слова молитвы. После этого мы попили чаю.

И вот откуда ни возмись среди ясного тихого дня к нам на полянку залетел ветерок, малюсеньким вьюнком поиграл листьями берез, пронесся над разнотравьем и утих.

Мы с дядей понимали – это знак-одобрение Духа тайги. Со словами «Кайрокоон баш!» дядя взял топор и ступил в гущу березняка. Мне показал на овец. Схватив кнут, я мигом помчалась к ним, отогнала от леса. После памятной «шаманской пляски» они меня слушались.

Березовые деревца, которые дядя срубил, были толщиной примерно с локоть и длиной чуть больше двух метров. Покидая привал, дядя залил водой каждую головешку, тщательно осмотрел место костра, потом мы снова поклонились невидимому Хозяину тайги и погнали овец домой.

Люлька вышла на славу.

ПРОТЕСТ

«Койу кёчэ» – так называется первый праздник в жизни человека, устраиваемый по случаю перехода его из статуса новорожденного – чий эт бала в статус ребенка – бала. Его проводят после того, как отпадет пуповина младенца и укрепится шея.

У Эркеша наступил такой день.

Накануне дядя Кючлюк запряг Рыжего в телегу и к огромной моей радости привез наана, кин-эне и кин-ада, а также родителей Шанкы. Чуть позже подъехал Тёйчин-ака.

Из самой близкой родни не было только Эрельдея. Он добился своей цели – будет учиться на учителя. А до начала занятий там же, в городе устроился на работу по ремонту деревянных тротуаров, выложенных вдоль главных улиц. На полученные деньги обновит себе одежду.

Овец в этот день решено было пустить пастись на лугу возле самой стоянки. Пастухом, сколько хватит терпения, должен стать Тайгыл. Получив привычное задание от хозяина, Тайгыл неустанно кружил вокруг овец, не давая им ни малейшей возможности двинуться куда-нибудь в сторону. Но такое он проделывал, если только в поле зрения видел хозяина – моего дядю.

Гости, сгрудившись перед дверью юрты, удивленно качали головами – до чего же умная собака!

А я знала, что это результат длительной дрессировки в течение всего прошлого лета.

После гости расселись вокруг обеденного столика на левой половине юрты попить чаю. Трапезу возглавил глава семьи. Если посмотреть на застолье от двери, то дальнейшее место рядом с очагом – это и есть его место. По правую руку от хозяина, прямо напротив двери, начинается тёр, на нем располагают почетного гостя, как правило – аксакала, старшего по возрасту. Сегодня это Тёйчин-ака. Рядом с ним восседают кин-ада и кин-эне, бабушкины сват и сватья, она сама и я. Место по левую сторону от хозяина занимает хозяйка, оно тоже находится возле очага, но ближе к двери.

В будние дни хозяин также восседает на своем неизменном месте, символизирующем Алтын Казык – Полярную звезду.

Рядом с отцом по правую руку размещаются дочери: ведь они «гости» в своем доме, так как недалек тот день, когда каждая из них должна будет навсегда уйти в свою новую семью и стать родоначальницей нового колена потомков в мужнином роду.

Сыновья размещаются ближе к матери, самый маленький – рядом с ней.

Перед чаепитием сноха Шанкы попотчевала От-Эне: отломала с привезенной гостями арчын пару веточек, воскурила ими огонь очага. Затем отщипнула от булки (также привезенной) пару кусочков и мягким движением положила в огонь,

налила в ложку масла и неспешно, тонкой струей полила им язычки пламени. Также она поступила с аракы, не забыла посыпать щепотку талкана на горящие головешки и только после этого села разливать чай.

Первый чай хозяйка всегда ставит перед хозяином, а далее разливает с учетом возраста присутствующих, то есть с сидящего на тёр. Чашка с чаем обязательно подается правой рукой. Ни в коем случае чаша с чаем не подается хозяйкой «рука в руку» свекру. Она подает чай свекрови, а та передает мужу. В ее отсутствие невестка ставит чашку на стол перед свекром.

Ритуалом распития аракы занимается хозяин. Начинает с тажуура, приведенного гостями. На горлышко драгоценного сосуда непременно привязывается белый лоскуток ткани – лента, называемая дьалама. Этикет трапезы обязывал хозяина вначале внимательно осмотреть тажуур, увидеть его особенность (расцветку, форму, качество кожи, из которой он изготовлен, возраст изделия и т. д.), вслух прокомментировать все увиденное и похвалить примерно так: «Умеющий видеть да увидит: тажуур – превосходен! Из девяти бычьих шкур, мастер, его изготовивший, выбрал самую лучшую! Искусной рукой сделал выкройку, нанес узоры! Внутренние швы сшивал белой иглой, внешние швы – синей иглой! Не забыл шепнуть: “Кайрокоон баш!” И мы на нашем празднике, как положено, скажем: “Кайрокоон баш!”»

Первый чёчэй – чарочку хозяин пробует сам, отпивает пару глотков, в шуточной форме дает оценку выпитому, а также непременно любителю этой посудой. Без этого чёчэй будет пустовать, то есть не будет поводов для радости. Чёчэй и тажуур – символы исключительно радостных событий и не могут быть употреблены ни в каких других, особенно связанных с печалью, церемониях. Сосуды эти передаются из поколения в поколение.

Если бы в трапезе участвовали посторонние (не родственники или близкие знакомые), то они за это время смогли бы убедиться в том, что вовсе не яд хранится в вожделенном сосуде, а как и положено – веселящий напиток. Чёчэй должен быть маленьким, чтобы уютно размещаться в ладони, и, кстати, наполняется он лишь на одну четверть или треть емкости (приблизительно 50 г). После пробы хозяин подливает в чёчэй еще немного араки и с большой торжественностью, чаще всего с песней или еще какими-либо особыми словами, подносит гостю справа от себя и говорит: «Почетному гостю нашему – чёчэйдин бажы (первый чёчэй)». При этом его левая рука непременно должна поддерживать правую снизу – знак почтения.

Тот, так же левой рукой поддерживая правую за локоть, принимает подношение, благодарит и, тоже отпив пару глотков, возвращает чёчэй хозяину. Дальше чаша с аракой разносится по кругу с соблюдением направления движения солнца. Этот акт символизирует демократизм присутствующих.

Характерная особенность алтайского застолья заключается в том, что, получая чёчэй, каждый из сотрапезников может свой туурам – долю, после того как сам немного отопьет, преподнести кому-нибудь из сидящих в знак особой благосклонности. Предпочтительно подносить с песней, при этом опять же левая рука слегка поддерживает правую за локоть.

Пустой тажуур с обязательными словами благодарности ставится на землю прямо за очагом.

И важное правило: на койу кёчё распивается в небольшом количестве исключительно молочная аракы.

Юношам и девушкам и на свадьбе, и на других празднествах категорически запрещалось пить аракы. Только после рождения первенца, да и то всего один чёчэй подносился отцу новорожденного.

Пока за столом шел оживленный разговор, дядя, залпом выпив чай, легко вскочил с места, прошел за спиной гостей и тронул меня за плечо – это означало: пришло время закалывать овцу. Он еще с вечера отобрал ее среди других, привязал к жерди загона и велел хорошенько напоить. А сейчас я должна была дяде помочь заколоть бедное животное.

У меня внутри все протестовало; мое сердечко, казалось, колотилось о ребра – мне совсем не хотелось помогать дяде. Было жалко овцу, всех овец – они такие милые, мирные, теплые. Я к ним очень-очень привыкла.

Дядя дал мне в руки эмалированный тазик, сам вытащил из ножен охотничий нож.

– Торко, шевелись! – кликнул он и широко раскрыл створки двери.

В юрту ворвался сноп солнечного света, и я увидела, что все присутствующие смотрят на меня.

Наана, поймав мой взгляд, сурово кивнула на дверь. Пришлось подчиниться.

Овца уже лежала на земле. Передние ноги ее были туго перевязаны бечевкой. Придавлив ближнюю заднюю ногу, дядя другую поручил мне, чтобы держала ее крепко, и со словами «Кайрокоон баш!» одним коротким движением произвел надрез на груди, резким движением засунул в рану руку до середины локтя – пробил диафрагму и крепкими пальцами оборвал аорту. (Знаю, что это так. После этого вся кровь из всех органов за считанные секунды выбрасывается в грудную клетку, как в чашу, заполняет ее.)

Подобный способ умерщвления овцы некогда завещал Чингиз-хан. Все происходит молниеносно, овца не успевает испугаться. Кроме того, в самом мясе крови не остается, а значит, в высушенном виде оно хранится значительно дольше, чем если бы умертвили овцу по-иному.

Из грудной клетки кровь выливают в какую-либо емкость, быстро двумя руками разминают, так как она имеет свойство моментально густеть. После этого в нее кладут мелко нарезанный дикий лук, чеснок, соль. Все, теперь она готова для приготовления кровяной колбасы. Емкостью для колбасы служат внутренности овцы, которые вначале очищают от кишечной и каловой массы, затем ошпаривают кипятком и тщательно промывают.

Из тонких кишок, нутряного сала и желудка изготавливают дьёргём – еще один деликатес. Печень насаживают на деревянный тиш – шпажку и пекут на весу над горячими углями.

Особым деликатесом считается голова. Ее вначале целиком обжигают на огне, чтобы сгорел волосистой покров. Затем нижнюю челюсть отъединяют от черепа и всё вместе варят в отдельном котле. Готовое блюдо подносят кому-нибудь из мужчин. Тот, отрезая по частям уши, глазные яблоки, язык и мясо на щеках, раздает их в первую очередь детям, приговаривая пожелания: чтобы хорошо слышал,

хорошо видел, был остер на язык, был сообразительным и т. д. Кончик языка, чтобы он никому не достался (откушавший делается болтуном), отодвигают в сторону. Мозг раздают поровну всем присутствующим.

Перед кин-эне на отдельном блюде ставится грудинка.

Разделка туши происходит на самой шкуре. Кости никогда не перерубают, но расчленяют по суставам.

Только на похоронах и в дни поминок овцу умерщвляют перерезанием горла. В этом случае кровь сливают в специально вырытую яму и зарывают. Внутренности и голову отдают собакам.

Овца под рукой дяди дернулась, замерла и больше не шевелилась.

– Бедная... – сорвалось с моих губ.

Дядя строго посмотрел на меня.

– Нельзя жалеть животное, когда его закалываешь. Иначе с голоду умрешь.

Мои нервы не выдерживают.

– Пусть умру! – громко кричу я и бегу от этого места куда-нибудь подальше.

– Пусть умру лучше я!.. А-а-а-а!..

УТЕШЕНИЕ

Я лежала в траве рядом с муравейником. Так хорошо разглядывать тихую бесшумную жизнь его обитателей: вот он, муравей, сам кроха, а несет на себе обломок тростинки в десять раз тяжелее себя. И какие все дружные, какая солидарность во всем – вот один пытается ухватиться за груз, а другой усиками послунывил (да-да! именно так!) блестящее коричневое листовничное семечко, передними ножками уперся в него, тогда первый сделал то же самое, и понесли они ношу вместе, словно люди.

Интересно, а чем питаются муравьи? Откуда они берут кислую слюну? Как спят, отдыхают? Вопросов было много.

Прошлым летом в молодежной полеводческой бригаде мы, дети, по подсказке старших пробовали муравьиную кислоту. Делается это просто. Берешь тонкий засохший стебель от прошлогоднего пырея, слюнявишь собственной слюной по всей длине (это примерно 20-25 см) и легонько втыкаешь в муравьиное гнездо. Скоро множество муравьев, как по команде, облепляют стебель. Через некоторое время встряхиваешь стебель, муравьи легко отлепляются, стебель подносишь ко рту и проводишь по нему языком – чистой воды аскорбиновая кислота обеспечена!

В этот раз мне было не до лакомства, я переключила наблюдение на других насекомых и не заметила, как уснула.

Проснулась я от легкого прикосновения снохи Шанкы. Она сидела рядом со мной и весело меня разглядывала. Моя сноха не теряла веселости ни при каких обстоятельствах.

– Торко, милая, там, – она кивнула в сторону стоянки, – глубоко почитаемые нами старые люди собрались отпраздновать первый в жизни Эркеша праздник, а ты вот так себя ведешь, портишь редкий день...

Сноха попробовала меня поднять, но я не поддавалась, судорожно ухватилась за ближайший кустик, ногами цепляла высокую траву.

Сноха тяжело вздохнула.

– Тебе не нравится, что люди питаются овечьим мясом? Тебе стало жалко овечку? Да? – заглядывала она мне в глаза.

Я всем видом показала, что не желаю с ней разговаривать.

Сноха убрала руки с моего плеча.

– Торко, не надо вредничать. Ты еще много чего не понимаешь. Вот и сейчас жалеешь овечек... А ведь они, овечки, тоже нами питаются...

Поймав мой недоуменный взгляд, сноха принялась разъяснять смысл сказанного:

– Когда люди умирают, их кут, одна из семи ипостасей души, уходит в иной мир, в страну мертвых. По всяческому тонкому конскому волосу, через ненасытную реку из человеческих слез прибывают они в царство Эрлика с его безбрежным океаном Тойбодым – Ненасытным. Здесь грешники испытывают страшные муки, а безгрешные души уносятся в небеса, в пределы Улу-Кеен Кудая, туда, где находятся их предки.

Сноха сделала паузу, испытующе посмотрела на меня: доходит, нет? Удостоверившись, что я само внимание, впитываю каждое слово, продолжила:

– Да, Торко! Душа уходит, а тело человеческое остается лежать в земле. Позже его останки прорастают травой. Там, где похоронен человек, трава бывает особенно густой и сочной, а цветы яркими и красивыми... Вот этой травой и цветами питаются овцы. И не только овцы, а еще коровы, кони, верблюды... Так распорядился Господь Бог – Кудай.

По рассказу дяди я уже знала, что поле алых огоньков – это кровь воинов, поэтому сразу доверилась доводам снохи.

– А у овцы душа куда уходит? – спросила я. – Тоже к Эрлику?

– Ой, что ты! – рассмеялась всезнающая сноха. – Овца – существо чистое, безгрешное, недаром от нее свет исходит, ее душа сразу уносится к Кудая. Господь Улу-Кеен встречает ее первой, ведь она послужила человеку... Исполнила божий закон...

Мне определенно нравилась моя сноха – такие удивительные вещи знает. Я с облегчением вздохнула. Попросила продолжить рассказ, но сноха, рассмеявшись, сказала:

– Мы об этом обязательно поговорим, а сейчас – домой, там нас совсем заждались.

Не помню, чтобы мы со снохой снова возвращались к этому разговору. Зато как же я была приятно удивлена, когда на шестом десятке лет своей жизни при просмотре известного всему миру культового анимационного фильма «Король Лев» услышала сходные со словами Шанкы мысли. Там, в американском мультфильме, Муфаса, царь зверей, рассуждая по поводу круговорота жизни (воззрение индейцев при чьей-либо кончине), дает примерно такое же пояснение своему сыну, львенку Симбе.

КОЙУ КЁЧЁ

Койу кёчё готовится из «перловки», но не магазинной, а изготовленной вручную. Это довольно трудоемкий процесс: пшеницу твердых сортов на короткое время замачивают в теплой воде, а после долго долбят деревянным пестиком в

большой деревянной ступе до тех пор, пока не отвалится шелуха. Затем с помощью ручной веялки отсеивают шелуху, отмывают цельное, чистое зерно и кладут в бульон с бараниной. Кёчэ варится на очень медленном огне часа полтора. В идеале зерна должны свариться, но не развариться.

Эркешкино кёчэ готовила его таай-бабушка – мама Шанкы. Суп получился отменным.

Я обратила внимание, что керем пополнился новыми яствами: здесь красовался овальной формы масляный пузырь и продолговатой формы куски мяса, цепочкой свисающие с аскыта над очагом.

Подарки были чудные и практичные: костяная погремушка из ягнячьих лодыжек, медвежий коготь и старинное огниво. Это дар Тейчин-ака.

Кин-ада и кин-эне подарили старинный комус – варган и сбор трав на случай недомогания членов семьи.

Таай-бабушка и дедушка привезли первенцу-внучонку шапку из лисьих лапок и теплую овчинную шубку с лисьим воротником, а еще шелковый пояс.

Наана внучонку сшила из шкурки белого барашка теплые сапожки с черным бархатным верхом и с синей парчовой тесьмой, окаймляющей голенище. Она в этом деле была большая мастерица.

Все подарки – чистое загляденье, так что полное зимнее снаряжение для Эркеша было готово.

Надо сказать, что в те времена на праздник койу кёчэ и на той (свадьбу), если они проводились в селе, являлись все жители, и каждый в руках что-нибудь, да нес.

В годы войны и после нее на проводы и возвращение солдат с фронта также собирались всем селением. Людская солидарность служила лучшей терапией в дни печали и радости.

Особое удовольствие каждому участнику торжества доставлял старинный обычай – завязывание кура вокруг талии. Кур – это отрез ткани длиной в три метра. Женщинам повязывается кур из тонкой шелковой цветастой ткани, мужчинам к лицу ткани однотонные, тяжелые, но не черные, в особо торжественных случаях – белая дорогая ткань.

Казалось бы, зачем подарочной тканью обязательно обвязывать талию? Не проще ли ее вручить в сложенном виде? Ведь ясно же – ткань не будет помята, лучше сохранит товарный вид!

Бабушка Биле о таком упрощении даже слышать не хотела: «Повязывается пояс – ставится защита. Самые уязвимые места в теле человека – это пуповина, печень и почки. В них сосредоточены главные узлы его жизненной силы. От души, с благословением повязанный пояс усиливает жизненный тонус человека, продлевает ему жизнь».

Песен и благопожеланий моему племеннику было спето и сказано в этот день вдоволь, от всей души.

Но вот какая беда, в то время, да и позже, мне и в голову не приходило записать их [9]. Они воспринимались как само собой разумеющееся явление, как, к примеру, восход и заход солнца... Их уникальность я оценила намного позже, вместе со зрелостью. И теперь могу засвидетельствовать, что они, эти песни, совершенны, как совершенно безупречно гладкое белоснежное яйцо, ни с чем

не сравнимый запах младенца или теплые, надежные, ласковые ладони нааны, – эти короткие, лаконичные, на пару напетые восьмистишия. Правда, они бывают и не парными, но редко.

Вот одна из песен, исполненная во время койу кёчэ Эркеша:

Дева чистая, несотворенная, Умай-Эне,
 Душ младенческих покровительница, Умай-Эне,
 Охраняешь от зла их, Умай-Эне,
 Будь же в вечности благословенна, Умай-Эне!
 (Перевод Людмилы Енисеевой)

АЛТАЙ ОДУХОТВОРЕННЫЙ

Мое детство проходило преимущественно в Срединном Алтае, где были сильны и почитаемы народные традиции. Старшее поколение талдинцев, хоть и производили впечатление суровых, строгих и молчаливых людей, на самом деле были добры и участливы друг к другу.

Как я уже сказала в начале своего повествования, это было послевоенное время. Народ победил врага и с новой силой, с огромным энтузиазмом восстанавливал полуразрушенное хозяйство. При этом в сознании каждого образ сокрушенного зла с неодолимой силой вытеснялся картинами мира, мирного созидания. Пройдя испытание революцией, репрессиями, войной – невиданными и неслыханными ужасами, дух жаждал счастья и душевного комфорта. Именно в это время с особой силой зазвучал героический эпос, а вместе с ним воскрешалась глубинная память. Главным же в ней было сокровенно-потаенное знание: «Кижичи кижиле бай. – Человек богат человеком». Или еще: «Эл ле дьер – бир тудуш. – Народ и земля едины». И еще: «Агаш тазылы дьерде, кижичи тазылы элде. – Корень дерева в земле, корень человека в народе». И «Албатынынг юрени тюгенбес. – Семя народа не иссякнет».

В жизни человек может стремиться ко многому, но фундаментом всех его свершений являются дети. Алтайцы с первого дня рождения ребенка внушают ему чувство благоговения к родной земле. Свою сокровенную любовь мои соплеменники выразили в тысяче – ста тысячах имен. Для наглядности перечислю наиболее употребляемые имена-обращения: Каан Алтай – Царственный Алтай, Хан Алтай, Баш Алтай – Глава Алтай, Агару Алтай – Святой Алтай, Бай Алтай – Богатый Алтай, Священный Алтай, Ару Алтай – Чистый Алтай, Ару бюткен Алтай – Чисто созданный, Совершенный Алтай, Байлык Алтай – Богатый Алтай, Щедрый Алтай, Быйанду Алтай – Благодарный Алтай, Байлу Алтай – Сакральный Алтай, Эрдынелю Алтай – Драгоценный Алтай, Кан Алтай – Кровный Алтай, Килемдбилю Алтай – Милостивый Алтай, Тын коруган Алтай – Спаситель Алтай, Тёрёл Алтай – Родина Алтай, Кин Алтай – Пуповина Алтай, Кабай Алтай – Колыбель Алтай, Эне Алтай – Мать Алтай, Адабыс Алтай – Отец Алтай, Тогус Булунду Алтай – Девятигранный Алтай, Юч толукту Алтай – Трехуглый Алтай, Кюзелендю Алтай – Изящный Алтай, Дьайалталу Алтай – Даровитый Алтай, Айлу-Кюндю Алтай – Лунно-Солнечный Алтай, Улу Кеен Алтай – Великий Просторный Алтай, Дьылдыстарлу Алтай – Звездный Алтай, Оды ёчпёс Алтай – Неугасимый Алтай, Чёкётпегён Алтай – Неразочаровавший Алтай, Алты кышту

Алтай – Шестислойный Алтай, Камчы сынду Алтай – Гибкий, как плеть, Алтай, Мёнкюлик Алтай – Вечный Алтай, Ак Алтай – Белый Алтай, Кёк Алтай – Синий Алтай, Белек Алтай – Алтай талисман, Алтын Алтай – Золотой Алтай, Алтын сынду Алтай – Золотоспинный Алтай, Мёнюн сынду Алтай – Сереброспинный Алтай, Кюмюш Алтай – Жемчужный Алтай, Буурыл башту Алтай – Седоглавый Алтай, Кайа ташту Алтай – Скалистый Алтай, Катунь таш Алтай – Твердокаменный Алтай, Таш Алтай – Каменный Алтай, Агаш-ташту Алтай – Лесисто-каменный Алтай, Катунь Алтай – Суровый Алтай, Шуурганду Алтай – Буранный Алтай, Кюнчыгыш Алтай – Восточный Алтай, Кюнбадыш Алтай – Западный Алтай, Тюштюк Алтай – Южный Алтай, Тюндюк Алтай – Северный Алтай, Туулу Алтай – Горный Алтай, Бийик Алтай – Высокий Алтай, Ортогы Алтай – Срединный Алтай, Тёмёнги Алтай – Нижний Алтай, Юстюги Алтай – Верхний Алтай, Дьяан Алтай – Большой Алтай, Ич Алтай – Внутренний Алтай, Учы кёрюнбес Алтай – Бескрайний Алтай, Дьер-Суу Алтай – Земля-Вода Алтай, Орчылан Алтай – Вселенная Алтай, Ак Айас ла Кёк Айас Алтай – Космический Алтай, Алтын-кюрен Алтай – Золотисто-коричневый Алтай, Коныр Алтай – Бурый Алтай, Кееркемдылю Алтай – Нарядный Алтай, Ак шанкылу Алтай – С белой девичьей накосницей Алтай, Уйуктап калган Алтай – Уснувший Алтай, Тюженип дыаткан Алтай – Сновидящий Алтай, Дьяжытту Алтай – Таинственный Алтай, Эмдю-томду Алтай – Исцеляющий Алтай, Аржан суулу Алтай – Алтай родниковый, Ажы-тузы тюенбес Алтай – С нескончаемым хлебом и солью Алтай и далее: С ласковой улыбкой Алтай, Алтай с задумчивым челом, Алтай с лунно-серебристым сиянием, Алтай с шелковистой травой, шумными реками, тихими озерами, вечнозелеными деревьями и кустарниками. Или еще вот так: Алтай золотоспинный с запахом можжевельника, полыни, цветущего шиповника, черемухи, смородины, беличьей ягоды и т. д. с бесконечными эпитетами и их вариациями.

Многое из сказанного отражено в трудах алтайских поэтов и писателей. Вышло в свет шестнадцатитомное издание героического эпоса, бережно сохраненного в материалах Института алтаистики имени С. С. Суразакова в Горно-Алтайске. Благодаря целенаправленным усилиям нескольких поколений ученых нам ныне известны имена и труды таких потрясающих сказителей и сказочников, как Николай Улагашев, Алексей Калкин, Николай Ялатов, Тавар Чачияков, Бурдамаш Тюктен улы, Чолгыш, Николай Никифоров, Павел Кучияк и многих других.

Море образов Алтая дает в своих книгах алтайская сказочница Танытпас Акулова.

Богаты образами печатные публикации алтайских дьярлыкчи и камов – проповедников и шаманов. Многообразны изустные тексты алкыш-быйан у мастеров благопожеланий.

Однако самое удивительное то, что алтайцы названием своей земли нарекли Бога – Алтай Кудай (Бог Алтай). Да, именно так и не иначе: понятие «Бог Алтай» соотнесено с понятием «Бог Природа».

Само слово «природа» на алтайском языке звучит и пишется как «ар-бюткен». Это редуцированный вариант словосочетания «ару бюткен», которое переводится как «чисто созданное, совершенное, совершенство». Благоговение алтайцев перед ликом окружающей Природы созвучно алтайской душе, оно в крови каждого алтайца. Уникальность подобного явления исторически объясняется тем, что в народной памяти прочно хранится образ Спасителя Алтая, который в лихие

времена «вскормил, напоил, от верной гибели отвратил» живущий в нем народ. Об этом поется в песнях, рассказывается в сказках и сказаниях, рожденных через духовный опыт моих глубокочтимых земляков-пантеистов, истинных поклонников и почитателей Ар-Бюткен и Кёк-Тенери.

И вот, чтобы запечатлеть в сердце ребенка этот многоликий, многокрасочный, сокровенный, сакральный образ Родины, чтобы он с молоком матери ощутил кровную, нерасторжимую связь с родимым краем, родители и близкая родня совершали ряд ритуалов: еще в утробе матери ему надо было дать почувствовать запах родной земли. Для этого молодую женщину с первых дней беременности поили на утренней и вечерней заре по-особому надоенным коровьим или кобыльим молоком – кёёрчек (своего рода кислородный коктейль): ее дитя, повзрослев, охотно примет в сердце блеск и красоту дня, сокровенные тайны ночи. Этим же напитком непременно поили малышей, чтобы румянились их щечки.

В зимнее время, когда не было молока, будущая мама должна была испробовать похлебку из высушенных клубней кандыка – через ее неповторимый вкус, еще будучи в утробе матери, ребенок приобщается к родимой Дьер-Суу – Земле-Воде.

На каждое новолуние на восходе солнца женщину окуривали дымом горящей ветки душистого можжевельника-арчына, чтобы человеческий зародыш напитался сокровенной силой Лунно-Солнечного Алтая, чтобы горячая живительная энергия От-Эне, домашнего очага, срослась со всем его существом.

Каждое действие непременно сопровождалось словами благопожелания, говорилось о том, что Его ждут, Он желанен, в Нем нуждаются – в этом Ребенке... И так на протяжении всех этапов взросления: и когда пройдет сорок дней после родов, и когда исполнится год, затем три года и двенадцать лет.

После этого совершался новый уровень ритуалов на всем его жизненном пути: первый выезд на охоту, женитьба, отцовство, кумовство и т. д.

Так, в эпическом сказании о богатыре Алып-Манаше говорится, что, когда мать будущего батыра почувствовала под сердцем биение новой жизни и у нее отяжелели руки и ноги, попросила она отца будущего ребенка принести ей сердце барса. Муж исполнил просьбу: насадил дымящееся паром барсово сердце на остроконечный деревянный тиш, испек его на горящих угляках. Женщина вкусила деликатес и вскоре произвела на свет чудесного ребенка. И нарекли родители сыночка именем Манаш. Впоследствии народ присоединил к его имени титул Алып – Могучий.

Много подобных примеров встречается в фольклоре, достаточно всего сохранила народная память и охотно применяла в повседневной жизни. Вот одна из самых популярных песен-дьянар (это хоровое пение), исполняемых в начале прошлого столетия:

Белый цветок на холме,

Сказав: «Мой Алтай», расцвел.

Мальчик четырех лет,

Сказав: «Мой Быркан», помолился.

Синий цветок на лугу,

Сказав: «Мой Алтай», расцвел.

Ребенок шести лет,

Сказав: «Мой Быркан», помолился.

(Записано со слов Алгыйчы Бочкиной в 1970 г.)

КРАСНАЯ СМОРОДИНА

Хоть и нравилось мне жить на стоянке, я уже сильно скучала по моей наана и малышке Тане. Так и хотелось стиснуть обеих в одно жаркое объятие и больше от себя не отпускать!

С первых дней в школьной тетради я делала пометки – химическим карандашом отмечала дни пребывания на стоянке. Подсчитав крестики, пришла к выводу, что рабочих дней у меня получается ровно пятьдесят и что до 1 сентября осталось всего десять дней. Скоро домой, в Талду!

К этому времени я уже освоилась с окрестностями нашего даялуу и уходила порой подальше от стоянки, однако в лес не заходила, только в редкие пролески.

В тот день я погнала овец в ложбину, где до этого присмотрела кусты красной смородины. Неделю тому назад ягоды были бурыми, значит, сейчас самое время заняться ими. После полудня, как обычно, овцы встали в круг, в боевую оборону от солнца, и замерли часа на полтора. Тайгыл улегся под жимолостью, она росла повсюду. Укоротив поводок Рыжему, я пустила его пастись в тени ближайших берез и помчалась к смородиновым кустам.

Кусты высокие – выше человеческого роста, и самые спелые ягодки красуются наверху. Если согнуть ствол, можно сломать. Жалко! Ведь скоро с этого куста будет лакомиться подросший Эркешка. Стала брать ягоды с нижних веток – ничего, здесь они тоже красные и вкусные! Потом перешла к другому кусту. Оказалось, что на разных кустах вкус ягод разный: в основном кислые, сильнее или слабее, но попадались и сладковатые. Найдя подходящий куст, с жадностью набросилась на ягоды. Ох, до чего же они приятны в жару! А как сверкает, как переливается каждая ягодка на свету! В строгом порядке нанизанные на ветку, они казались верхом совершенства. Словно кончиком божественного резца божественной рукой отточена каждая ягодка. Не съесть бы их надо, а только любоваться!

Вдруг возле соседнего куста послышался звук обрываемых ягод. Такой характерный короткий треск и сладкое причмокивание губами.

Развеселилась – неужели, думаю, Тайгыл тоже лакомится ягодами? Захотелось посмотреть, как он это делает. Крадучись двинулась вперед и обомлела: прямо передо мной высилось нечто громадное и волосатое.

Я сразу узнала его, хотя раньше не видела ни разу – Хозяин тайги!!!

Встав вертикально, во весь рост, он одной лапой пригнул к себе ветку, а другой с треском и хрустом обрывал ягоды... Когда оглянулся на меня, с нижней губы у него свисала пенистая слюна... Не помню, как я завизжала, не помню, как бросилась бежать, – перед глазами стоял лишь звериный оскал со слюной...

Оказывается, услышав мой истошный вопль, эхом разнесшийся по долине, дядя со снохой выскочили из юрты. После они рассказывали, что я кричала и бежала не к ним в юрту, а мимо, вниз по дороге, в поселок, и что моя косичка от невероятной скорости стояла торчком. Так я бежала до самой речки. Здесь меня нагнал дядя. На его расспросы я ничего выговорить не могла, а только показывала в сторону смородиновой ложбины... Дядя на руках принес меня в юрту, уложил в постель, укрыл теплым одеялом. Сноха Шанки дала воды. Говорят, я сразу уснула.

А дядя поехал на вороном к овцам. Вначале он увидел овец, как обычно в жаркий час, застывших в статичных позах. Потом Рыжего – он стоял в тени лиственницы и хвостом отмахивался от оводов. Тайгыл сидел возле куста смороди-

ны и караулил мертвого медведя. Зверь был еще теплый. Нигде на теле ни раны, ни царапины. Лежал он на поносной жиже, сплошь усеянной ягодами красной смородины... Мой дядя, хоть и молодой, но кое-какой житейский опыт имел, и его осенила догадка. Он вынул нож, который всегда носил при себе в ножнах на поясе, и рассек медведю грудь. Так и есть – зверь скончался от разрыва сердца. Мое неожиданное появление перед ним и невероятной силы визг напугал его так, что сердце у бедняжки не выдержало.

Медвежье мясо дядя брать не стал, сказал, что каждый кусочек его пропитан предсмертным страхом, и теперь это не еда, а яд. Но все равно трупное мясо скоро будет съедено разными лесными обитателями, а позже кости дядя соберет в одну кучу – зверю будет легче возродиться.

Также знаю, что, уходя с того места, таай попросил Хозяина леса вот о чем: «Не говори, что мы, люди, Тебя погубили, скажи, что со скалы сорвался».

Я болела после этого, два дня металась в горячке, то и дело выкрикивая, что опаздываю в школу. И если бы не знания кин-эне о травах, наверняка могло случиться непоправимое. Но Бог – в лице доброй женщины по имени Дьергелей – миловал. Спасибо ей за своевременную и умелую помощь, светлая память и низкий поклон!

ПЕСТРУХА

В это же лето я впервые взялась подоить корову. Правда, безуспешно...

Дело было так: в очередное отсутствие дяди Эркеш занемог, у него поднялась температура. Он, оказывается, плакал, не унимаясь, весь день.

Овец я пригнала в поздние сумерки. Одной рукой придерживая горящего от жара больного сыночка, другой – размахивая плеткой, сноха Шанкы помогла мне загнать овец в загон.

Теперь надо было подоить Пеструху. Как только плач чуть утих, сноха вручила сыночка мне, схватила ведро и скорей к корове. Но тут Эркешка так отчаянно заревел, что мать прибежала к нему, а мне волей-неволей пришлось взяться за дойку.

Сноха дала короткую инструкцию. Прежде всего, нужно с правильной стороны подойти к корове – непременно с левой, так же как к коню, когда оседлываешь или садишься на него. Затем надо ласково что-нибудь сказать и погладить ей спину. После, мягко тронув сосцы, стряхнуть с них налипшую труху, смазать их каймаком (густой сметаной, она должна быть заранее намазана на кромку подойника). Потом надежно установить под самые сосцы ведро и, с силой надавливая на сосок, двумя руками начать доение. Я все как надо исполнила. Однако когда начала доить, почувствовала, что силенок не хватает. Пришлось собрать весь запас энергии и с новой силой атаковать поочередно ближайшие ко мне два сосца. Но молоко, как я ни старалась, не шло и все тут.

Тут как раз снова заревел Эркеш. Пока оглянулась на его крик, что-то с силой брякнуло о ведро, и оно опрокинулось. А я, падая на спину, с ужасом увидела, как перед моими глазами мелькнули раздвоенное коровье копыто и кончик хвоста. Пеструха сердито уходила от меня. Снова сесть к ней не хватило решимости... Корову подоил подоспевший дядя. Я с тех пор так и не научилась доить корову. Сноха Шанкы сказала, что Пеструха стала беспокойной после того, как ее дитя,

полугодовалого теленка, отняли от нее этим летом и отдали в колхозное стадо для улучшения показателей роста крупного рогатого скота. На что дядя, весело рассмеявшись, ответил, что нет, дело не в Пеструхе, а в сердитом нраве Торко: Рыжего сделала кусачим, Хозяину тайги разорвала сердце, овцы уже больше не рвутся в густой лес. О чем тут толковать, если даже безобидную Пеструху умудрилась разозлить!

Я пропустила мимо ушей замечание дяди, хотя понимала, что не такими уж безобидными бывают коровушки, создания с холодным дыханием. В алтайских мифах первая пойманная человеком корова сказала: «Если переедешь, золу с твоего старого стана разбрасывая, буду играть. Умрешь, кости твои разжую. Если упадешь, рога свои тебе подставлю. Будешь здоров, молоко мое пей. Когда умру, телят моих забивай и кормись». Норовистая корова была приручена, с большой пользой для человека, только третьей по счету. И вот что еще она изрекла: «Чтобы зелень пожевать, ничего лучше таежной поляны нет. Чтобы чистой воды напиться, нет места лучшего, чем речная заводь гор Алтая. Если зимой от мороза рога мои не замерзнут, то без труда найду, чем питаться. Если летом от обилия еды живот будет пучить, жеванием быстро излечусь». Такая вот оптимистка, хотя, глядя на ее тяжелую, в развалку, поступь, этого не скажешь.

А вот приметы, связанные с коровой:

– Если в ясную погоду на стойбище коровы не ложатся, а бегают и бодаются, то скоро начнутся проливные дожди.

– Коровы возвращаются домой с пучком травы во рту – будет трудная зима.

– Корова как будто бы принохивается и фыркает – на той стороне, откуда запахи, ждут неприятности или смерть.

ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Как ни старался мой дядя сдержать свое слово, но доставить меня к началу школьных занятий не смог: не находилась подмена – ни одного взрослого сельчанина, свободного от колхозных работ. Накануне он привез мне теплые вещи и два учебника для четвертого класса: по арифметике и русскому языку. Чтобы совсем не отстать от учебной программы, буду заниматься по вечерам под присмотром взрослых.

Дяде до прихода заморозков нужно было успеть заменить оконные рамы, чтобы вставить стекла в чабанском доме на кыштуу – зимней стоянке, утеплить дверь, а еще достроить овечью кошару. По сравнению с прошлыми годами овец было почти вдвое больше, в старую они не вмещались.

Кыштуу находилась близко к селу, примерно в пятнадцати километрах от него и столько же от дядлюу – летовки.

Эрельдей, как уехал в город, больше не приезжал до самых зимних каникул. Так что волей-неволей первого сентября вместо того, чтобы сесть за школьную парту, я снова вскарабкалась в седло на спину Рыжему. Дядя говорил, что это ненадолго: как закончит ремонт, сразу отвезет в село.

Делать нечего. С горячими слезами на глазах подъехала я к овцам и что есть силы стала стегать их кнутом, вымещая обиду. Старшие воздержались от замечаний, молча, с виноватым видом помогли отогнать овец от стоянки. В другой раз дядя отругал бы за удары по головам безответных овец, но сегодня смолчал.

Помню, какое чувство неловкости я однажды испытала, когда пнула лежащую в загоне овцу. Она улеглась у самых ворот и не хотела вставать. Ну, я с пинком и подскочила... Боже мой, как тогда дядя посмотрел на меня, молча, без слов!.. С того дня знаю, что сильнее человеческого взгляда ничего не бывает...

Внимательно осмотрев овцу, дядя показал на следы поноса у хвоста и лодыжек, поднял ее на ноги и подтолкнул, чтобы пошла, но она мелко задрожала и повалилась на бок... Дядя быстро подхватил ее и перенес в тень, под телегу. А мне велел принести крепкий соленый чай без молока. Потом он лечил ее отваром корня цветка-змеевика. На следующий день овца поправилась, но заболели другие. И дядя возился с каждой овцой, как с ребенком. На это ушла целая неделя. Я смотрела на дядю, видела его полную отдачу в ветеринарном деле и думала, что нет на земле человека нежнее и терпеливее его, и тогда, в те минуты, хотелось кинуться ему на грудь, сказать слова, что так и рвались из сердца. Но я этого не сделала: дядя примет мой порыв за ребячество, а я вовсе не ребенок!

Зато теперь могу чистосердечно признаться в том, что воспоминания о моем дяде, снохе, племяннике и овцах, о том необычайном лете всегда будут волновать мое сердце, наполнять счастьем душу.

Стоптана роса небес
покрасневшими ступнями.
Без особенных чудес
ветки выглядят конями.
С каждой утренней зарей
в золотые эти годы
таинства земли родной
открывали мир природы.

(Сурайя Сартакова)

Но то первое сентября – до чего же унылым и безрадостным предстал этот день тогда! Какой скучной и серой показалась сто раз вдоль и поперек объезженная долина! А ведь осень только началась, и, куда ни глянь, уже всё вокруг кипело ярко-желтыми и багряными красками.

И снова – в который уж раз! – моя глупая прозорливая паства, уткнув носы в противно шуршащую пожухлую траву, принялась насыщаться. Сколько можно?! Одно и то же! Всё долгое-долгое лето, и вот уже осень, а они всё за свое!! Глаза б мои вас не видели!!!

Я отвернулась – лучше буду представлять школьную линейку, которая должна была проходить сейчас перед зданием школы...

Сегодня, первого сентября 1956 года, в Талдинской начальной школе, начиная с первого по четвертый класс, всего должно обучаться, включая меня, 25 учеников [10]. Откуда мне это известно? А очень просто. Весной, уже после окончания учебы, наша учительница вызвала меня в школу. Оказалось, что в районо нужно срочно доставить необходимые сведения по годовому отчету, а она потеряла свои очки. Поэтому под ее диктовку я сделала список всех учеников, включая будущих первоклассников.

Тогда же я узнала, что в помощь учительнице к нам в село приезжает еще один учитель. Поэтому в моем воображении переключку сейчас начал новый учитель.

Я знала каждого ученика в лицо и только учителя никак не могла представить. Тогда придумала дать ему лицо Эрельдея. Дальше все пошло так, как если бы я смотрела кино.

Никого из родителей, конечно, не должно быть на школьной линейке. Даже если бы кто-нибудь из взрослых привел свое чадо в школу, несчастный школьник был бы осмеян за отсутствие самостоятельности. Оно и понятно, ведь каждый из детей с пяти-шести лет проходил рабочую школу: делал уборку в доме, смотрел за огородом, ухаживал за младшими сестрами и братьями в течение всего дня и даже готовил ужин для тех, кто находился на работе. Старшие дети трудились на ферме или в поле. Вот почему всех сейчас отличал благородный трудовой загар. Впрочем, и сама учеба сочеталась с работой: в свободное от уроков время ребятина до самых снегов собирала пшеничные колосья на полях.

Школьная форма у кого есть, а у кого нет, – особого значения этому не придавалось. Но у всех пионеров в обязательном порядке на шее алеют пионерские галстуки, а на груди октябрят сияют значки с изображением милого-премилого, с золотым локоном, мальчика Володи Ульянова – будущего вождя социалистической революции в нашей стране Ленина...

На мне белый фартук. Его купила мне младшая сестра мамы, моя эдье Байрым два года назад, когда я училась во втором классе в селе Абай. Белый фартук – большая редкость, только вот несносный Ырыспай (был такой мальчик, о нем позже) уже успел запачкать мне эту красоту – дурачась, шлепнул грязной пятерней по кружевам и побежал! Я – за ним, чтобы надавать тумачков... Но тут прозвенел школьный звонок, и мы, мигом заняв свои места в ряду, в сопровождении очень симпатичного (с лицом Эрельдея) нового учителя поднялись на крыльцо школы и вошли в классную комнату...

Да, конечно, на моей воображаемой линейке все происходило красиво и торжественно... Увы, в реальности я вынуждена была сидеть не за желанной ученической партией, а на земле, возле трехсот шестидесяти трех несомно прожорливых овнов, и день за днем проживать с ними их однообразную, донельзя прозаическую жизнь.

ПЕРЕКОЧЕВКА

До первых снегов надо было переехать на кыштуу. Зима в горах приходит неожиданно, поэтому готовятся к ней заблаговременно. К тому же верная примета: деревья в эту осень начали желтеть с макушки, значит, будет ранняя короткая осень и холодная зима.

По разговорам в доме я знала, что дядя в одиночку валит лиственничный молдняк в пяти-шести километрах от кыштуу и тем же способом, что и сено, – в волокушках доставляет на место. Затем обтесывает жерди от веток, сучьев, коры и части древесины в местах утолщения. Ему одному приходилось подтаскивать, поднимать и укладывать жерди на нужную высоту. А еще надо было соорудить кошаре крышу – он не успевал.

И вдруг неожиданно объявил – завтра переезжаем. Переезд состоял из трех этапов. В первую очередь из юрты были вынесены все вещи, кроме самодельных кроватей и кухонного шкафа, черного закопченного чугунного треножника, старой кастрюли с засушенными травами, солью, курутом и кучей дров. Их оставляли до

следующего лета в запертой на замок юрте, а ключ клали на дверное навершие под лиственничную кору, служившую крышей юрты. Любой путник зимой мог войти в юрту, разжечь огонь, обогреться, напиться травяного чаю и укрепить силы курутом.

В этот день я нянчилась с Эркешем. Тайгыл, как и в койу кёчэ, неподалеку пас овец. Взрослые выносили из юрты вещи и складывали их в две большие кучи. В одной была кухонная утварь и разный хозяйственный инвентарь, в другой – постельные принадлежности, одежда, обувь и большой инкрустированный перламутром сундук – приданое хозяйки.

Впервые я увидела содержание заповедного сундука: из него Шанки извлекла много разных вещей. Ярко расшитый войлочный кап – чехол для перевозки фарфоровых чашек. Пару замшевых чехлов к подушкам прямоугольной формы, боковая часть их была украшена ярким орнаментальным узором «вечное движение»; в эти чехлы также сложили часть посуды, в основном фарфоровые тарелки.

Здесь же хранилась деревянная коробка с швейными и вязальными принадлежностями. Еще одна коробка поменьше – для женских украшений. И незабываемый момент – мне на грудь Шанки приколола чудесную красную брошь в виде цветка!

Еще в бездонном сундуке оказался увесистый узелок всевозможных вязаных изделий: оконные занавески, скатерть, подзоры, салфетки. Сверху лежала алтайская овчинная шуба и двухслойные зимние сапоги: их верх был сшит из оленьих лапок, а внутри находились войлочные чулки. Рядом – кое-что из мужской одежды: уже упомянутый матросский костюм, лисья шапка и комплект одежды для Эркеша. Поверх всего – белая ткань с завернутыми в нее ветками арчына-можжевельника.

Когда на телегу уложили первую кучу и привязали крепким арканом, странным показалось, как там уместилось такое огромное количество вещей! Еще и осталось два места для снохи с ребенком и дяди – они должны были первыми приехать на кыштуу. Пока хозяйка будет обживать новое жилье, дяде нужно перевезти вторую кучу вещей, и только после этого мы все: овцы, Тайгыл, Пеструха, я на Рыжем и дядя на вороном сможем двинуться в путь.

Перед отъездом сноха быстро вошла в пустую юрту, присела возле тщательно очищенного от золы очага, погладила свои косы, коснулась рукой треножника, поклонилась – так она прощалась с летним жильем. Все это я видела теперь, стоя у раскрытой двери.

А рано утром сквозь сон слышала, как мама Эркеша, воскуря можжевельник, приговаривала:

– Тридцатикосая Мать-Огонь!
Изящная и ловкая Дева-Мать!
В мягкой постели из золы,
Небесного происхождения Вы...

После она выгребла из очага большую кучу золы, вынесла на улицу и высыпала в специально отведенное место под густым кустарником. Так делалось, чтобы ни человек, ни животное, ни зверь не могли ступить по золе – она ведь частичка От-Эне.

По этой же причине в огонь очага не кидается мусор. Он сжигается отдельно на улице.

АРЧЫН

А теперь самое время рассказать про священное растение алтайцев – арчын (можжевельник).

В Интернете о нем сказано следующее: «Можжевельник, вечнозеленое дерево или кустарник из семейства кипарисовых, существует на нашей планете около 50 миллионов лет... Это растение – долгожитель. В благоприятных условиях можжевельник живет от 600 до 3000 лет... Из-за целительных свойств, долгожительства, а также потому, что древесина можжевельника не гниет, у некоторых народов это растение является символом вечной жизни и преодоления смерти» [11].

Алтайцы входят в число тех народов, кто с колыбели впитал в себя живительный аромат вечнозеленого можжевельника через разнообразные многоуровневые ритуалы и не представляет своей жизни без него.

В высокогорном Алтае произрастает два вида можжевельника: кой арчын (овечий можжевельник) и эчки арчын (козий можжевельник). Исходя из того, что овца является существом с теплым дыханием, а коза – с холодным, алтайцы используют лишь кой арчын, и это главный атрибут любого алтайского ритуала. Его собирают в труднодоступных местах на каменистых склонах с солнечной стороны, в строго определенное время в новолуние и берут по две-три пары веток с куста, не больше, так как кой арчын плохо возобновляется в природе. Брать его могут лишь мужчины, но и то только те, в семье которых в течение года не было траура.

Удивительно красива армянская легенда о можжевельнике, связанная с именем поэта-философа X века Григора Нарекаци, которая гласит: «...семь лет он был подпаском в деревне Зевик. И, в отличие от других подпасков, никогда скотину не бил и даже не повышал на нее голоса. Поразившись его мягкосердечности, хозяин, человек грубый и злой, сказал ему прямо: “Ну что ты за подпасок, если не можешь как следует скотину кнутом отхлестать! Ну-ка, дай мне кнут...” И хотел вырвать кнут из рук Григора, но подпасок держал его крепко и не отдавал. Тогда хозяин стал бегать за ним, ругаться и грозить побоями. Но подпасок прятался и уворачивался от побоев. Он боялся не кулаков хозяина, а того, что тот отберет у него кнут и обрушит его на спины несчастных животных... Долго бегали они так вокруг стада. До самого заката солнца. А потом Григор Нарекаци воткнул в землю кнут и... исчез. Хозяин встал как вкопанный – он не поверил своим глазам. Но Григора действительно нигде не было. Тогда хозяин попытался вырвать кнут из земли, но не смог. Кнут пустил в землю глубокие корни и превратился в вечнозеленое дерево – можжевельник. Хозяин совершенно растерялся... А дело было в том, что в этот день закончился семилетний срок пребывания Григора в пастухах, и он исполнил послушание точно в срок» [12].

В основе любой легенды, выдумки по сути, лежит некая правда. В данном случае нравственной истиной является то, что кнут пастуха, прежде чем стать священным растением, в течение долгих семи лет не причинил боли ни одной живой твари – пастух Григор не допустил такой возможности. И тогда сила милости явила чудо: деревянная рукоятка кнута проросла и превратилась в вечнозеленое дерево.

В связи со сказанным вспоминается реальный случай. Речь пойдет о моем дъесте-зяте Карагае. Он был женат на младшей сестре моей мамы – эдье Байрым. Всю свою жизнь они жили в селе Банное, вдвоем вырастили семерых детей.

Как-то я приехала к ним в отпуск погостить. Чем селяне могут похвастаться в летнюю пору? Конечно же, огородом. Семья большая, и овощи выращивают они разнообразные: картофель, лук, морковь, свеклу, репу, чеснок, горох, бобы, огурцы, капусту. Расхвалив от души богатый огород, обратила внимание на невысокое деревце – березку, растущую у ворот. В ответ Светлана, старшая дочь семейства, показывавшая мне хозяйство, от души рассмеялась: «Да это все отец! У него был любимый прутик, которым он погонял домашний скот. Обычно он оставлял этот прутик на крыше сарая. Но как-то, увлекшись разговором с соседом, воткнул его сюда и... забыл. Утром, не найдя прутика на привычном месте, завел себе другой. Пришла осень, потом зима, а весной кто-то из детей с криком вбежал в дом: “Идите сюда, смотрите – на папином прутике появились листья!” Все, кто был дома, выскочили на улицу и с удивлением увидели, что на голой березовой палке проклюнулись хрупкие светло-зеленые листочки». Самым интересным в этой истории было то, что случившемуся никто, кроме детей, не удивился. Взрослая часть селян философски констатировала: «У добросердечного Карагая не то что прутик, которым он с песнями погонял скотину, но даже огородные колья, если захочет, зацветут».

Меня судьба одарила тремя славными, добрыми, красивыми эдьё – это мамыны единоутробные сестры Анна, Байрым, Полина. Но, пожалуй, по красоте лица Байрым-эдьё первенствовала. Большеглазая и белолицая, она одна умела так заразительно смеяться, хорошо играла на балалайке. В русское селение Банное ее привезла с собой моя мама, когда учительствовала. С подросткового возраста живя среди русских, тетя легко переняла русскую кухню с ее выпечкой и солониной. И раз в году, зимой, из Банного в московское студенческое общежитие приходила мне почтовая посылка с солониной – свиным салом, засоленным вместе с черемшой, сверхдушистым дикорастущим чесночком, – настолько вкусной и ароматной, что уже к следующему вечеру посылочный ящик пустел. Со всего общежития ко мне в комнату лომались его жильцы с голодными воплями: «Или дайте на зубок, или за себя не отвечаю!»

...Сердце мое спокойно: я приезжала к Байрым-эдьё попрощаться в далекое Банное на сороковой день ее кончины. Получилось так, что к эдьё Полине и эдьё Анне я успела приехать на похороны.

Для меня не будет тяжелой встреча с моими родными людьми на том свете, называемом в народе Безросным Алтаем.

КЫШТУУ

Дорога от дйялуу на кыштуу пролегалa не тем маршрутом, которым мы с дядей прибыли летом. Сюда мы приехали с западной стороны, а теперь направились к юго-востоку. На пути не попадалось ни горных круч, ни рек, ни кезер-таш, ни какого-либо жилья. Перевал, на который мы поднялись и тут же с него спустились, был невысокий, и на нем не было дерева с ритуальными лентами. «Значит, – догадалась я позже, – дядя вез меня долгой дорогой через большой перевал специально: там мне обязательно надо было повязать кыйра на священную березу». Кстати, мой первый большой перевал назывался Ябоган.

А вот дом на кыштуу оказался мне уже знаком. В нем прошлым летом ночевали члены молодежно-полеводческой бригады: две «блистательные дамы – баронес-

сы) и несколько виконтов и виконтесс. «Даминами» назывались наша повариха и еще одна пожилая женщина – бабушка одного из малышей, а титулованными особами среднего звена являлись дети – школьники начальных классов.

Мужчины и подростки, они же маркизы, бароны и графы, спали на волокушках с сухим сеном под открытым небом. Наиболее проворные мальчуганы забирались на чердак, под двускатную крышу. Две телеги служили привилегированными ложами для наших двух бригадиров – герцога Чертпета и герцога Сандрая. В дождливый день Их Светлости почивали под телегой, все остальные господа «мужеского» пола кое-как штабелями укладывались в передней комнате, а дамы и мадемуазели набивались в горницу.

Но кто бы и как бы ни устроился, все одинаково страдали от одной напасти – комаров. Отъявленные кровососы не давали покоя даже днем, а уж тем более ночью. «Долой мессершмитов!» – кричала детвора и дымом от горячей головни выкуривала комаров из избы. «Ну что тебе от нас надо! Что мы тебе плохого сделали? Лично мне не нужно от тебя и сломанной иголки, несчастный фриц! – (Тут нужно напомнить, что оборот «несчастный фриц» был характерен лишь для военного и послевоенного времени и никак не должен быть соотнесен с немецким народом в целом, который стал истинно великим, после того как принес покаяние всему миру.) – Да и остальным до тебя тоже нет дела!» – приговаривал при каждом хлопке по насекомому наш бригадный весельчак по имени Юра. Он, так же как и Эрельдей, слыл большим любителем книг, в то лето зачитывался Александром Дюма, а потому придумал превратить односельчан в блистательно-роскошных героев великолепного романиста. Контраст был так разителен и невообразим, что мы, и дети, и взрослые, от его придумок смеялись до судорожных коликов в животах. Сам он только посмеивался и походя обдумывал очередную шутку. Убежденный сторонник веселых розыгрышей, он, кажется, и вовсе не придавал значения своему дарованию, поскольку после семи классов никуда не поехал учиться, зато, как я слышала, помог брату и сестре получить высшее образование.

Должна заметить, что вот эта черта характера: почувствовать в текучке будней нечто особенное, увидеть и принять жизнь, как божественную комедию, а себя и свое окружение – как ее участников, – она у моих земляков в крови. Такое качество алтайцев в свое время заметил латышский поэт Имант Зиедонис, когда приехал в селение Каярлык и одно лето гостил в доме Бориса Укачина. Это было время их совместной учебы в Литературном институте в Москве. Своим впечатлением об Урсульской долине и её людях гость поделился в небольшой книжечке «Дневник поэта».

Точно так же соседняя Каракольская долина славится особым добродушно-саркастическим нравом своих жителей, охочих до шуток и веселых розыгрышей: здесь ухо нужно держать остро и быть готовым к любой неожиданности. Моя землячка и коллега (режиссер казахского ТВ), уроженка села Бичикту-Боом, Тана Тайпина с большой охотой и с юмором рассказывала о своих односельчанах времен юности. Вот одна из ее историй.

Как-то весной в лунную ночь бичикту-боомская молодежь от переизбытка бьющей ключом энергии тайком от престарелой женщины вычесала весь пух с ее козы. Утром в предвкушении чудесного дня хозяйка единственной на все село козы с шерстью редкого синевато-сизого оттенка достала чесальные при-

надлежности, вошла в кошару, и... бедняжку едва не хватил удар: ее драгоценная коза стояла, вычесанная подчистую. С негодующим воплем женщина бросилась к соседям, а те и слышать не слыхивали, видеть не видывали ничего! Соседка составила пострадавшей компанию, разгоряченные женщины явились в контору, и вскоре все село уже знало об инциденте. Владелица редкой породы козы мигом сделалась центром внимания. Чтобы как-то компенсировать потерю, сельчане одаривали ее пухом из своих запасов. Только вот беда – не было среди них того восхитительного сорта с сине-сизым отливом. «Ладно, успокойся, пусть хоть так, чем совсем ничего», – утешала пострадавшую сердобольная соседка. Когда они вернулись домой – вот так сюрприз! – на крыльце дома пострадавшей лежал объемистый мешок пуха редкого сине-сизого оттенка...

Вспоминается еще такой случай. Как-то при очередном моем приезде на родину диктор Горно-Алтайского радиовещания Валерий Туденев (муж моей двоюродной сестры Татьяны) спрашивает:

– Не хотите составить нам компанию – завтра утром на выходные едем в Поднебесную?

– Куда, куда?!

Таня смеется:

– К маме едем, давно не были, надо навестить.

Все понятно. Агания Моисеевна, мама Валерия, – куладинка, следовательно, Поднебесная – Кулада. Это село, насчитывающее около двухсот дворов, расположено у подножия высокогорного кряжа Уч-Энмек. Кулада – самое отдаленное и высокогорное селение в Каракольской долине, выше – только горный пик и небо, а значит, оно заслуживает названия «Поднебесная».

Помню, в эту поездку я впервые услышала, что до боли знакомые с детства цветы тандалай, созданные словно из тончайшего светло-серого войлока, по-русски называются эдельвейсами. А росли они тогда по всей окрестности поселка...

По дороге решили, что поскольку Кулада является «Поднебесной», то первое село по пути к ней – Бичикту-Боом, выходит, будет «Вратами в Поднебесную». Ну а Боочи – это что-то вроде «Срединного государства». Соответственно, Каракол и Курота – это «Долина четырех ветров» и «Страна утренней росы», а Нижней Талде, самому восточному поселению по отношению к остальным, уместно называться «Страной восходящего солнца».

Вот так, не более и не менее.

...Мы с дядей видели по дороге на кыштуу много стогов сена – красноречивый итог работы молодежно-полеводческой бригады под руководством Четперта и Сандрая-ака. У первого в характере крылась склонность к халтуре: в основании стога делались «салазки» – каркас из толстых жердей, поверх них укладывалось сухое сено без обязательного утапывания на высоту до трех метров, и окончательно стог закреплялся большими тяжелыми лиственничными ветками (на случай сильных ветров). В результате таких манипуляций бригада Чертпета лидировала, а мы, люди Сандрая, числились в отстающих.

Мой бригадир был человеком чести, работу свою выполнял добросовестно, того же требовал от каждого члена бригады, поэтому я с большой охотой показывала дяде стога, выложенные Сандраем-ака. А они красовались во всем своем блеске, с гладкими боками, почти не изменившимися в объеме, тогда как

чертпетовские представляли собой жалкое зрелище: выглядели, как отощавшие бока колхозных коров в конце зимы.

Уже вечерело, когда мы с дядей и со всем стадом прибыли на новое место жительства, которое называлось Буланду.

Сноха Шанки вышла из дома, чтобы помочь загнать овец в кошару. Это был ее ежедневный ритуал – дань уважения и внимания тому, кто целый день вынужденно находился без человеческого общения или же по разным делам отлучался из дома. Даже если Эркеш бодрствовал, она брала его на руки и – к выходу.

Есть чудесная сказка «Сынару», записанная со слов алтайского сказителя Улагашева. В ней три брата несказанно удивляются и огорчаются тому, что по прибытии их с охоты сестра Сынару не вышла из родительской юрты им навстречу. Они видят потухший огонь очага, остывшее жилье, а сестры нет. На расспросы братьев сонные жены дают мужьям ложные сведения, клеветуют на Сынару, потому что, в отличие от них, она умела приветить дорогих сердцу братьев, подать горячую еду, расспросить о делах дня...

ЗВЕЗДНЫЙ ЗАНАВЕС

Пока дядя расседлывал коней, я с большим волнением открыла дверь дома. Расположение двух маленьких комнат и печки-камелька было точно такое же, как у тетушки Дьбергелей и дяди Сапыша. Тяга в печи была отличная – гудение ровное и сильное. Значит, печь выкладывал мастер своего дела, а затоплена она идеальными дровами – сушняком из близлежащей рощи.

Эркеш сладко посапывал в своей люльке, подвешенной к потолку возле кровати родителей.

Два окна в доме, которые обязательно должны быть обращены на юг, и пол в горнице были уже помыты. Оставалось убраться в передней комнате. Полы двух комнат представляли собой разительный контраст: горница сияла чистотой, передняя была невообразимо чумазой: короста грязи от одной доски пола лепилась к другой, образуя пестрые узоры. «Значит, как и прошлым летом, здесь жила полеводческая бригада», – заключила я и была права, потому что сноха Шанки, поймав мой взгляд, сердито буркнула: «Разве скажешь, что здесь жили люди!»

Мне нечего было возразить, хотя про себя я подумала: «Они, те, кто ночевал здесь, за целый день намаются так, что вечером от усталости едва ложку с едой до рта доносят, и так каждый день в течение всего лета». Так разъяснял нашу работу новичку-учетчику бригадир Сандрай, когда оказалось, что членам его бригады было начислено мало трудодней. А возможно, просто в день отъезда бригады домой лил дождь.

Кроме мытья окон и наведения чистоты в горнице сноха Шанки уже успела постирать, накрахмалить и погладить семейную святыню – супружеский занавес и оконные кружевные занавески ручной работы. Благоухая свежестью и белизной, они лежали поверх кровати. Еще одну занавесь она вывешивала над печью.

Любая печь, большая или маленькая, всегда наводила меня на мысль о Владимире-тае, младшем из сыновей моей бабушки. Он был разносторонне талантливым человеком. К примеру, считался лучшим печником в Урсульской долине. Был незаменимым эмдикчи – объездчиком лошадей: за этим занятием я его видела в селе

Банное, летом, когда ему было 17 лет и мы с ним гостили у тети Байрым, и скажу, что зрелище было не для слабонервных. А еще он рисовал. Начал это делать, как только впервые взял в руки карандаш. И хотя нигде не учился этому искусству, рисунки у него выходили живые, динамичные, впечатляюще похожие на оригинал.

Как-то в третьем классе я попросила дядю нарисовать коня. Он спросил: «Тебе какого коня нарисовать, колхозного или кавалерийского?» Не зная значения слова «кавалерийский», ответила «колхозного». Таай в один присест, одной линией чиркнул по листу и вручил мне рисунок. Взглянув на него, я с воплем и кулачками бросилась на дядю: на листке школьной тетради красовалась костлявая, с отвислым животом кляча. «Ты же сама попросила нарисовать колхозную лошадь, а я человек ответственный, что люди просят, то и выполняю!» – со смехом отбивался мой веселый дядя.

Уже будучи взрослой, спросила дядю: «Почему не выучился на художника?» Наигранно свесив голову, таай развел руки: «Да вот, понимаешь, племянница, запутался в женских юбках... Талант растратил впустую...» Что тут скажешь? Осталось только рассмеяться. Другого ответа я и не ожидала.

А теперь – о белоснежном занавесе, случае весьма непростом... Было это так: заглядевшись на печь, а после на окно, далее – за его пределы, я пропустила начало большого семейного скандала, единственного за все лето. Ни раньше, ни позже я не видела своего Ключюк-таай в таком состоянии. Я не заметила, как дядя вошел в дом, что говорил, что отвечала ему сноха, видела только, как, в ярости схватив белоснежный занавес, он скомкал его и выкинул за дверь.

Сноха плакала, криком исходил проснувшийся племянник. Я ничего не могла понять, стояла в полной растерянности. А дядя, со всей тяжестью плюхнувшись на скамью, обжигаясь, начал есть горячий суп.

Я выскочила на улицу. Прямо перед крыльцом белел злополучный скомканный занавес. У меня почему-то не хватило решимости поднять его – осторожно обошла. «Что может быть ужасного в чисто выстиранном занавесе?» – недоумевала я. Захотелось пойти к овцам и лечь спать между их теплыми спинами. Так я и сделала и, по обыкновению, сразу же уснула.

Дядя, наскоро поужинав, позвал меня, но я уже ничего не слышала, не почувствовала даже, как он на руках перенес меня в дом.

Утром с первыми лучами солнца дядя с овцами отправился на пастбище. Тайгыл, повизгивая на цепи, язычком ловил крупинки первого снега. Преображенная за ночь природа явила взору абсолютно новый облик, вызывая в душе непоборимое тоскливое чувство. Вдали, поблескивая снежными шапками, тихо дремали вершины гор, пониже – деревья, еще ниже виднелись сонные стога сена. «Все кругом меняется: лето сменилось осенью, осень – зимой, семейство дяди перекочевало на кыштуу, и только у меня все остается по-прежнему», – грустила я.

За чаем сноха как бы невзначай сообщила, что завтра утром через нашу кыштуу будут проезжать пастухи конефермы и отвезут меня в село.

Боже! Что тут было! Все мое существо взорвалось в столь громком вопле, что я напугала Эркешку – он проснулся, а я, словно одурев, повторяла одно и то же: «Ура! Ура!! Завтра в школу! Каждый урок будет что-нибудь новое!!!»

– Торко, ты – точно ненормальная, так напугать ребенка! – сердито выговаривала мне сноха, но я уже выскочила на улицу, чтобы поделиться радостью с Тайгылом.

...А про занавес я тогда начисто забыла. Как-то странно стерся он из детской памяти, и только потом, намного позже, листая книгу замечательной алтайской сказочницы Танытпас Акуловой, читаю о том, какую важную роль в старину играли прикроватные занавесы. Оказывается, существовало поверье, что все благопожелания-алкыши, сказанные в день свадьбы, чудесным образом преобразуются в невидимые глазу звездочки, веселым роем облетают семейный очаг молодоженов и застывают на супружеском занавесе. Светятся и мерцают в течение всей долгой жизни обоих супругов. Но если с чьей-либо стороны случится супружеская измена – звезды гаснут. Если кто-то из супругов уходит в мир иной раньше другого, то одна половина занавеса снимается и укладывается вместе с покойником: правая часть с хозяйкой, левая, головная, – с хозяином. И, должно быть, постирать звездный занавес для моего дяди было равносильно тому, как если бы было смыто счастье.

Окончание следует.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Строка из поэзии Карана Кошева.
2. Из кн.: Календарь юбилейных и памятных дат Онгудайского района на 2015 год / Сост. Н. Бабанова.
3. Кыйра – лоскут белой, а на больших молебствиях синей, желтой и зеленой ткани размером с ленту для волос. Отличие кыйра от дьалама в том, что кыйра завязывается на священное дерево, а дьалама – на горловину винного сосуда – тажуура или на гриву коня, освященного во время богослужения. В последнее время в некоторых местностях кыйра завязывается так, что свисает на всю длину, а короткий конец ее якобы «смотрит» вверх. В книге дается старинный способ, так, как это делалось в моем детстве.
4. Улу Кеен Кудай – дословно: Великий Необъятный Бог. Такую интерпретацию названия бога Ульгень дала моя бабушка. Возможно, она была перенята ею от свекра Аба Кёкуля.
5. Здесь и далее тексты монологов домашних животных взяты из кн.: Мифы Алтайских гор / Сост. К. Кыдыева-Петешева.
6. По кн.: Мерген Клешев. Народная религия алтайцев: вчера, сегодня.
7. По кн.: Валентина Муйтуева, Майя Чочкина. Ак-Дьан. 1996.
8. Казахские народные сказки. Т. 2. Алма-Ата, 1971.
9. Впервые собрал, записал и систематизировал алтайские песни – дьянгар ученый-фольклорист Т. С. Тюхтенов. В 1972 г. вышел в свет труд всей его жизни, объемная и содержательная книга «Алтайские народные песни».
10. Сведения подтверждены архивными материалами за 1956 г., хранящимися в администрации с. Онгудай.
11. www.edaplas/info/produse/juniper.html
12. aniarmtnia.ru/blogs/100-legends/item/80

